

Альбина Андерсон

-АЕРАХИ-

ЧУЖИЕ ОБЛАКА

Альбина Андерсон

Чужие облака

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Андерсон А. Ф.

Чужие облака / А. Ф. Андерсон — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Аерахи похожи на нас, но они другие. Если эти странные существа с темными намерениями находят то, что им нужно, выбраться из цепких объятий будет непросто. Они умеют подчинять людей своим целям. Жизнь Киры перевернулась, когда она столкнулась с ними лицом к лицу. Она чувствует вмешательство посторонних в свою судьбу и пытается сопротивляться. Но хватит ли у нее сил сохранить себя и остановить надвигающийся на нее пугающий, темный мир? На кон поставлена любовь всей ее жизни и карьера балерины. Она отчаянно хочет остаться в мире людей и цепляется за любую возможность отстоять свое счастье. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Аерахи	5
Чужие облака	5
Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	33
Глава 8	35
Глава 9	40
Глава 10	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Аерахи

Чужие облака

книга первая

Пролог

Через аварийный выход в конце коридора они выбрались на пожарную лестницу. Северный ветер сразу же ворвался Тайке в ноздри и исколол легкие. А высокое, летнее солнце ослепило глаза. Вцепившись в бордюр площадки, она на секунды прикрыла веки, у нее сильно закружилась голова. Зигги сразу же полез за сигаретой, но вспомнив правила, теперь просто мял пачку через ткань кармана.

– Пойдем в кафетерий? – предложил он.

Тайка умоляюще посмотрела на него, после двух недель, проведенных в тесной душевной камере, уходить отсюда не хотелось. Он понимающе кивнул и облокотился о стену. Ночью шел дождь, пахло поздними, весенними цветами и мытой хвоей деревьев. Это напомнило ей дом, хотя она находилась за несколько часовых поясов от него. Ее глаза жадно бродили по всей линии горизонта, трудно было привыкнуть к мысли, что теперь ей можно стоять здесь, дышать этим кристально чистым воздухом, и смотреть далеко вперед, насколько хватает зрения, а не наткаться взглядом куда не повернись, на темные бетонные стены.

По правую сторону от них высились здания Научного Парка. Широкая, асфальтовая дорога резала территорию на две половины. В самом конце она упиралась в сверкающее стеклами здание администрации. По обе стороны стояли многочисленные корпуса. Разноцветные электромобили стройными рядами были припаркованы около каждого блока. Брусчатые дорожки пролегали через ровно–стриженные газоны, мраморный фонтан на центральной площади бил струями сверкающей в солнце воды. Все выглядело новым и нежилым как на картинке с сайта застройщиков, и только старая, гранитная колонна с часами, странно диссонировала со всем остальным. Изъеденная столетиями, она была из прошлых времен. На барельефе в огне корчились женщины, мужчины и дети. Каменная лента с латинской вязью обвивала постамент.

– Что там написано? – спросила Тайка.

– Каждую минуту помни.

– Что помни?

Зигги поморщился.

– Сверху решили что наше прошлое должно вышибать слезу и науськивать видовых патриотов. Учись делать трагическую физиономию, у нас в моде сентиментальность.

Парк казался безлюдным, но Тайка знала, что здания кишмя кишат сотрудниками. На башне громко забили часы. Одиннадцать утра – время кофебрейка. Люди в костюмах и галстуках, джинсах и сникерсах уже зашныряли по коридорам. Они улыбались друг другу : привет–привет, жевали бутеры и круассаны, брали лед, колу и кофе из автоматов, флиртовали, ругались и плели интриги. Ровно на двадцать минут – все как в обычной жизни, а потом они вернутся к себе в отсеки и надев лабораторные халаты будут резать, кромсать, выделять, скоблить и сэмплировать. И у всех на лице будет одно и тоже выражение упрямства и одержимости.

Чтобы не видеть того, что вызывало у нее отвращение, Тайка зашла за угол. Перед ней раскинулась бесконечная, дикая тайга. Кристально-чистые озера отсвечивали зеркалами, в темных пятнах облаков переливались изумрудом сопки и не кончался плотный, хвойный лес.

– Через тысячу километров Арктика, – сказал Зигги. – Ни одного населенного пункта до самого полюса. Зимой здесь холодрыга и короткий световой день. Но это идеальное место, здесь мы далеко от людей. Все наши парки находятся черт-те где, в пустынях и тундрах, на Аляске, в Аризоне, Боливии, Китае ...

– Ты здесь родился? – спросила она.

Зигги достал Мальборо, постучал пачкой о кирпич стены и с сожалением опять положил в карман.

– Нет, – усмехнулся он. – Не знаю где.

– Вырос здесь?

– Нет, в Чайковском. Там есть детский дом, на балансе у организации, – он помолчал. – Тогда здесь еще шатались медведи, этому парку всего восемь лет. Представляешь как его строили? Вычистить трассу на триста километров? Но охота пуще неволи, теперь вот... – он махнул рукой за угол. – Аэродром на одну полосу, вертолетная площадка, гидростанция на реке. Двести коттеджей и четыре многоквартирных дома стоят на другом склоне холма, тебе потом покажут. Складские и производственные помещения, лаборатории, библиотека, супермаркет...

– Санаториум и тюрьма, – тихо добавила Тайка. В голосе ее слышался страх.

– Считаю тебе повезло, я никогда не видел Санаториум, у меня нет допуска. Ну а тюрьма... всего две камеры в цоколе. Нужно же где-то держать таких буйно-помешанных, как ты, – засмеялся он.

Она растянула рот, но улыбки не получилось.

– Тебя что, били? – осторожно спросил он.

Видимо только заметил ее разодранное ухо и спекшуюся кровь за давно невымытыми прядями волос. Она посмотрела ему в глаза, он сразу все понял, но промолчал.

– Теперь-то что со мной? – спросила она.

– Останешься на три месяца, пройдешь ускоренные курсы. Будут блоки по психологии, генетике, истории, кодексу компании. Подпишешь контракты, примешь присягу, тебе оформят пэйролл и социальные льготы. В общем, будет чем заняться. Что с английским?

Она горько усмехнулась.

– Читать могу до десяти... Пэйролл. Ничего я у вас не понимаю.

– Все со временем. У тебя другие университеты, не хуже. Я знаю ты сидела в колонии, за кражу в раймаге.

Она кивнула.

– Так погулять хотелось? Два ящика пива, три бутылки водки, палка сырокопченной и сыр алтайский, семьсот двадцать грамм, – улыбнулся он. – Я видел твое дело.

Она пожала плечами. Если ему хочется издеваться, пусть. Чему-чему, а вежливости ее здесь научили. На рожон она больше не поперет, слишком дорого это стоит.

– Конфеты дюшес пол-кило, белый шоколад Спорт... Стоило это двух лет тюрьмы?

– Больше мы не унесли... Нас двое было.

– Третий в последний момент испугался и дал деру на машине. Но его все равно на полгода посадили! Дурак, лучше бы остался, шоколаду поел, а так все зазря..

Она криво ухмыльнулась.

– Правда, что тебя боялись в деревне? – допытывался Зигги.

– Кто боялся, значит заслужил.

Он окинул ее одобрительным взглядом.

– Ты мне подходишь, Таисья. В моем отделе одни соплееды, ничего поручить нельзя. Только и хнычут : Этого не могу, того воспитание не позволяет... А я видел яйца Когля после

того, как ты его лягнула. Синие как мои глаза. Даже повара из столовой приходили смотреть, это было что-то, клянусь!

– Он теперь меня ненавидит. Да и все...

– Это правда, ты не популярна, но знаменита! Всеобщую любовь можно заслужить со временем. А пока думай о главном, о том что ты будешь жить.

– Меня больше не отправят в Санаториум?

Голос ее задрожал от страха.

– Теперь уже незачем, ты об этом хорошо позаботилась.

Вспомнив все, что она пережила за последние месяцы, Тайка сжала зубы.

– Чтоб вы все сдохли со своими программами! – вырвалось у нее.

– Ненависть – здоровое чувство. Я думал, тебя уделали основательно, а ты уже возвращаешься к жизни. Когда-нибудь ты полюбишь нас всей душой, ведь мы братья и сестры, а семью не выбирают, – он рассмеялся. – Как вспомню рожу Когля! Только за одно это стоило вымалывать твою жизнь. Тебя хотели усыпить как больную крысу, но ты нужна мне. Ты смелая и не перед чем не остановишься.

Она вздохнула, на что ей нужна такая непонятная жизнь? Но другой, прежней уже не было, ее отняли навсегда.

– Не вздумай сглупить еще раз, у тебя уже есть одно предупреждение, запомни, второго не будет. Играй по правилам и будет шанс дожить до старости. Не хочется, чтобы мои старания пошли прахом, я четыре дня уговаривал Вильштейна, поругался с директором по идеологии и отдал своего зама в Европу. Все потому, что мне кажется из тебя получится то, что мне позарез нужно.

Его умный, испытующий взгляд прожигал ее насквозь. Весь он лучился красотой и здоровьем. Он так много для нее сделал, что ей немедленно захотелось отблагодарить его, отдав все, что у нее было. А было немного, сама она да и только. Тайка опустила на колени, решетка впиалась в них, но она не почувствовала боли. Обхватив Зигги за ногу, она прижалась к ней щекой.

– Ну-ну..., – недовольно сказал он. – Вставай, что за ерунда? Ничего не бойся, все кончилось.

Ей хотелось чтобы он поднял и обнял ее, но он отошел и досадливо морщил брови.

– Кажется, от голода у тебя помутилось в голове. Ну-ну, вставай же... Мы не в театре...

Она не отрывала взгляда от его лица. Зигги раздраженно закатил глаза, подошел и встряхнул за локоть, поднял ее на ноги.

– Я помог тебе потому, что хочу чтобы ты работала у меня. Но это не значит, что взявшись за руки, мы пойдем навстречу восходящему солнцу. Мы с тобой команда. Договорились? Пойдем вниз, думаю чашка крепкого кофе и жирный клуб сэндвич пойдут тебе на пользу.

Пять лет спустя

Глава 1

Пару последних лет эта тетрадь валялась с другим школьным барахлом. И вот теперь, разбирая стол, Кира нащупывает дерматиновую обложку у стенки выдвижного ящика. Она разгребает мятые обертки от шоколада, скрепки, ластик, отряд изломанных карандашей, чтобы добраться до тетради. Наивная летопись ее детской влюбленности – девичий дневник. Кира сдувает с глаз упавшую прядь волос, улыбается и открывает священный манускрипт. На третьей странице нарисованы двое в лодке. Кира и Глеб, конечно. Море условное – три жирные голубые линии. Лодка похожа на банан и тщательно раскрашена желтым фломастером. Голова

Кире нежно прижата к плечу ее возлюбленного. Трехпалая кисть с жутким, фиолетовым маникюром, покоится на его бычьей, как у Минотавра шее. Она конечно, в фате с короной. По рисованию всегда была твердая тройка, поэтому ничего удивительного, что в профиль Кира похожа на удивленного зайца, а у Глеба прическа как у известного немецкого психопата, который давно сгорел в бункере. На небе солнце в лучах, как на китайском бальзаме, а в левом углу кривой месяц с россыпью кремлевских звезд. В правом нижнем углу накорябано назидание Глебу:

Люби меня как я тебя
И никогда иначе
И не забудь любви моей
Не изменяй тем паче

На шестой странице мудреный секрет, раскладушка – оригами. Муся постаралась. И складывала ее долго, что –то замеряя фалангами пальчиков и полизывая бумажки шершавым, как у котенка, языком. СИКРЕТ !!! – было написано разноцветными карандашами на конверте. Когда Кире было девять лет, она аккуратно вклеила школьную фотографию Глеба в раскладной животик конверта. А рядом вывела куриным почерком :

Твои глаза как звезды
Горят в ночи моей
И больше уж не будет
Таких хороших дней...

Муся, которая за лето набралась ума от подруг старшей сестры, посоветовала ей дописать что–то вроде :

Мы с тобой как наяву
В лунном плаваем в пруду
Ты прижми меня покрепче
Страстью бешеной к утру

– Что это «страстью бешеной»? – спросила Кира

Муся прижалась губами к уху подруги. Ее дыхание горячо щекотало шею.

– Ну помнишь, я тебе говорила, как они это..., – зашептала она.

Кира отодвинулась. Какое–то время они молча смотрели друг на друга. В глазах у обеих бегали веселые черти.

– Фу! – наконец сказала Кира.

Смеясь, они повалились друг на друга. От этого пруда веяло гадостью. Так пахла взрослая, омерзительная тайна. Ее же любовь к Глебу была совсем другой. Там не было «страстью бешеной». Просто двое в лодке, ее голова на его плече, они плывут далеко–далеко, где будут бесконечно счастливы.

Нужно потянуть конвертик за углы и оттуда, как дюймовочка из волшебного цветка, выглянет Глеб. Уголки конвертика стерлись от частых прикосновений. Ему здесь пятнадцать. На фотографии он в анфас, но Кира прекрасно помнит его профиль юного, римского императора. Надменный и прекрасный. Чудесные, холодноватые глаза, насмешливые губы. Вера Петровна как–то заметила, что у него рахманиновские кисти. Длинные, музыкальные пальцы. Отец Глеба – начальник литейного цеха, тогда усмехнулся: Кисти может быть и рахманиновские, но растут

они из одного места. **ВОТ ЭТО БЫЛА НЕПРАВДА!** Глеб, например, мастерски играет в теннис, и однажды даже занял третье место в городском, юношеском турнире. В квартире родителей, его комната до сих пор увешана грамотами и вымпелами, а на крыше шкафа сверкают два спортивных кубка. Мать Глеба натирает их каждую неделю. Видимо сильно скучает по нему. Ну что же, Кира ее понимает.

Кира всегда была влюблена только в него. Сколько себя помнит. Глеб, Глеб, Глебушка....

Лето. Горный пансионат в Чимгане. Она на отлично закончила второй класс хореографического училища. Глебу пятнадцать. На завтрак в столовой, пока не видела мать, Кира сваливала очищенное яйцо в тарелку Глеба и делала умоляющие глаза. Яйца были противные, с потемневшим желтком, похожим на солнечное затмение. Кира вообще ела очень плохо. Она долго, с отвращением, жевала хлеб с маслом, вернее просто держала кусок во рту, под пристальным взглядом матери.

Целыми днями Глеб был неразлучен с девицей Анечкой. Они вместе лупили в теннис, лазали по горам и сидели на скамейке до полуночи. Глеб много говорил, а Анечка много молчала. Она все время носила белую майку с тремя котятками на груди. Котятки прехорошенькие, а вот саму девицу Кира ненавидела. В летнем кинотеатре Глеб садился с Анечкой на самую последнюю скамейку и возвращался в коттедж почти под утро. Алина Евгеньевна многозначительно переглядывалась с матерью Киры – Верой Петровной.

В августе солнце всюду сушило горы, трава выгорела и пожелтела. Абрикосы и чернослив наливались сладкими соками, спелые плоды мягко шлепались о землю. Ежевика была усыпана темными ягодами, которые навсегда синили пятнами майки Киры, отстирать было невозможно. После ежевики язык у нее был фиолетовый как у татарской собаки. И Глеб смеялся над ней, но она не сдавалась и все лезла в шипастые заросли, возвращаясь с полным пакетом ягод и в кровь исцарапанными плечами и коленями. Лезла бесстрашно, потому что хотела доказать ему, что ничего не боится. Вообще.

Как обычно перед обедом, все валялись под раскидистыми платанами у бассейна. Пахло свеженарезанным арбузом, солнцем и рубашкой Глеба, потому что Кира подобралась к нему совсем близко. Развалившись прямо на траве он читал Илиаду Гомера. Анечку с котятками погнали в поход родители. Глеба не позвали, потому что у Анечкиного папы выработалась на него стойкая аллергия. Он презрительно и вместе с тем тревожно поглядывал на друга своей дочери. Все две недели у него был вид человека, готовящегося к страшному удару судьбы.

Кира вырвала колосок на тонкой ножке и осторожно пощекотала ухо Глеба.

– Отстань... И отодвинься, у тебя трусы мокрые, – сказал он не отрываясь от книги.

Она не сдвинулась с места. Тело у Глеба жаркое и сильное, а она после бассейна замерзла.

Ей очень хорошо рядом с ним.

– Глеб, а вот интересно, ты женишься на Анечке?

– Отстань, озабоченная, – отмахнулся он.

– Женишься, да?

Он повернулся к ней и снял солнечные очки, которые делали его похожим на шпиона. Чудесные его глаза, с голубыми огнями по серому, сейчас были холодными и презрительными. Зрачки сузились и превратились в бисеринки. Очень обидно, потому, что на Анечку он смотрел совсем по другому. Бисеринки наоборот расширились и от серо-голубого фона оставался только узенький обруч. Кира заметила это фокус, когда они сидели утром на скамейке. Глеб

вдохновенно рассказывал что человек вполне может захлебнуться собственной блевотиной. Как, например, это сделал Джон Боннэм– барабанщик Лед Зеппелин. И что следы астронавтов с Апполо будут видны на луне еще десять миллионов лет, потому что там нет ветра и эрозии. Глядя на Анечку, зрачки его расширились все больше и больше, как будто хотели отразить ее всю, как зеркало с головы до ног. Кира благоговейно внимала, а Анечка сосредоточенно сосала дюшес и красила ногти зеленым лаком.

На Киру он смотрел брезгливо, как на противную, волосатую гусеницу.

– Женишься на Анечке или нет?

– Конечно женюсь! – нарочито весело воскликнул он. – Я в десятом классе, она в девятом. Почему бы нам и не пожениться? Родить несколько таких клопов, как ты?

В глазах его оскорбительное пренебрежение. Она поняла, что он шутит и вздохнула с облегчением.

– Я тебе скажу одну вещь, – понизила она голос. Эту фразу она выудила из фильма про ковбоев, который вчера показывали в летнем кинотеатре. Все что сказал герой после, сбылось. – Запомни... Ты женишься только на мне.

Он смерил ее взглядом, как будто увидел в первый раз, и остановился глазами на большом родимом пятне на животе. Это пятно в форме двух развернутых крыл, как Глеб недавно заметил, похоже на очертания Фолклендских островов. Большое горе для матери Киры, потому что она боялась онкологии. А Кира была счастлива, что оно прилипло не на плече или шее. Балетный корсет довольно открытая штука.

– На тебе? Никогда! Ты вырастешь толстой и уродливой. И на носу у тебя будет бородавка с большую редиску.

Он вынул воображаемый револьвер из кобуры, нацелил его на Киру и выстрелил. Потом сдул облачко дыма с указательного пальца. Фильм тоже произвел на него впечатление.

– Глеб! – одернула его мать.

Но Кира вступилась за себя сама.

– Балерины не бывают толстыми. Раз! А я буду знаменитой, как Галия Измайлова. Два! А твои Котята не умеют плавать. Три! И танцует она как коряга! Хочешь покажу?

Она вскочила, чтобы показать как танцует Анечка, но Глеб со злостью дернул ее за руку и Кира завалась набок, опять невольно села рядом с ним.

–Четыре! – мстительно добавила она.

Глаза ее победно блестели. Теперь она точно знала, что Глебу не нравится, как танцует его подружка.

– Женится–женится, никуда не денется. Мальчики–девочки не ссорьтесь. Давайте пойдем в столовую, а? Есть хочется..., – разомленно отозвался отец Глеба. Лицо его закрыла шляпа, прямо перед Кирой заросшие волосатые ноги. Она с неодобрением посмотрела на них, неплохо бы постричь ногти. Если Глеб еще что–нибудь скажет, будет скандал. Все это знали. Скандала Глебу не хотелось. Он с шумом захлопнул книгу. Резко поднялся и с торопливой яростью попытался надеть вьетнамки. Но все время попадал не в те пальцы. Одна из них отлетела и шлепнулась Алине Евгеньевне на живот. Та ойкнула и привстала с лежака. Отец Глеба снял с лица панаму.

– Ты что, Глеб? Обедать? – спросила его Вера Петровна. На ее теле бисером рассыпаны капли воды. Она только что вылезла из бассейна и все пропустила.

– Жениться его заставляют, – пояснил отец.

Глеб молча кинул свои вещи в маленький рюкзак и медленно, с достоинством, удалился в сторону забора. Это означало : Плевать я на вас хотел, достали.

Степенно дойдя до конца короткой аллеи, он неожиданно в три шага разбежался, перепрыгнул через ограду и пропал за голубыми, давно некрашенными досками.

– У него гормоны, – сказал отец.

Вера Петровна промокнула лицо полотенцем и повернулась к дочери.

– Ты можешь его не доставать? Хотя бы один день?

– Гормоны не извиняют хамства, – вздохнула Алина Евгеньевна и с сочувствием посмотрела на Киру.

Семья Анечки–Котят отдыхала в коттедже, напротив главного корпуса. От коттеджа Зиминых и Миловановых к нему можно было пройти сквозь урючную рощу. Кира знала, что Анечка и ее родственники в столовой, на обеде. Они всегда ели во вторую смену. Возле двери стояли белые кеды, Кира знала чьи. Анечка – высокомерная, набитая дура, которая только и знала, что хлопать ресницами и лизать чупа–чупсы. А когда жевала жвачку, у нее было тупое, отрешенное лицо, как у коровы сторожа. Кира медленно прошла по аллее мимо двери, но тут же вернулась. Соблазн был слишком велик. В Анечкины кеды она с удовольствием до краев налила ледяную воду из колонки.

Вечером, Анечка вывихнула лодыжку на корте. Испорченные кеды сохли на деревянных брусках скамейки. Принимая подачу Глеба, она успела дотянуться ракеткой, но запуталась в ремешках вьетнамков и с воем рухнула на покрытие. Она так орала, что Кира, собиравшая для них мячи в канаве, оступилась и до крови содрала коленку. До самого медпункта Глеб нес свою подружку на руках. Почти целый километр в гору. Прихрамывая и согнувшись под тяжестью двух ракеток, Кира волочилась за ними. Она была виновата во всем, плакала, но не жаловалась. Тонкой струйкой кровь стекала с ее коленки. Глеб взмок и покраснел, но было видно, что никакая сила не заставила бы его остановиться и передохнуть. Русая, выгоревшая голова Анечки лежала на его плече, а тонкая, в золотистых волосках рука обвиняла его напряженную шею. Прямо как на картинке в дневнике. Только Киру вытолкали, а в лодку вместо нее нахально залезла другая. У края дорожки Кира присела на скамейку, силы покинули ее. Обняв свое раненое колено, она горько зарыдала. Глеб и Анечка уплывали вверх по аллее. Ей уже не догнать их. Она плюнула на коленку и размазала пальцем кровь. Потом свернула с аллеи в тенистую хвойную рощу, где никогда не была раньше и в изумлении остановилась у огромной, раскидистой арчи. Под ветвями исполинского дерева прятался волшебный замок. Ветви сплетались в сводные потолки и отдельные горницы и там был даже чудесный трехствольный трон в центральной зале. Настоящие царские покои, хорошо бы здесь пожить. Или повесить хрустальный гроб на цепях и возлечь в него. Ждать когда Глеб придет и поцелует ее. Тогда она распахнет глаза, улыбнется и величественно встанет из гроба. А если не поцелует? Соцурит глаза и скажет : О, Миловановское насекомое, тьфу! И ей придется лежать еще тысячу лет. Ой, а это что у нас здесь такое? Гриб! Чудесный, с рыжеватой в крапинку шляпкой. Наверняка ядовитый. Как раз то, что надо. Жизнь, в принципе кончена. Глеб и так ее ненавидит, а если бы узнал и про кеды... Она откусила маленький кусочек и проглотила. Запах сырости и кошачей мочи ударил в нос. Кира запихнула в рот весь гриб и быстро, не дыша сжевала его. Так Вера Петровна учила ее пить рыбий жир, чтобы не рвало от запаха. Потом она легла на землю и стала ждать смерти. Но смерть все не приходила и Кире стало скучно. Тогда она решила сначала пойти поужинать, потом поиграть в карты, а помереть уж совсем ночью, когда все будут спать.

В кровати она обняла мать и зашептала : Вера Петровна, я ночью наверное умру. Ты только сильно не переживай... – она не смогла договорить, потому что громко заплакала. Умирать уже расхотелось, было жалко маму, Мусю и вот еще вспомнилось, что в сентябре начнутся репетиции Конька–Горбунка в настоящем театре. И в последние недели мая, перед каникулами, в хореографичке только об этом и говорили. Вера Петровна была сумашедшей матерью.

Она сразу решила ехать в Ташкентский госпиталь ночью, через опасный горный перевал. Но Алина Евгеньевна ее отговорила. Да и отец Глеба выпил к тому времени четыре банки пива.

– Вера, уже три часа прошло, симптомов никаких. Посмотри на нее, какая хорошая! Зачем рисковать? Станет плохо, тогда и поедем.

Они обе решили дежурить в медпункте около нее. Каждые два часа ее будили и заставляли выпивать по стакану воды. Утром, когда вернулись в коттедж, неспавшая всю ночь Алина Евгеньевна остановилась на пороге своей комнаты.

– Может вам ремень дать? – вяло спросила она Веру Петровну.

Та смутилась.

– Алина, ну какой ремень? Мы поговорим.

– Вот, все разговоры и разговоры у нас. А они что хотят, то и делают.

Она вздохнула, подошла к Кире и присела на корточки. У нее в глазах серые искры на голубом, как у Глеба.

– Кир, все! Больше никаких глупостей. У него здесь Анечка... А в городе осталась Светочка. Со школы иногда приходит Ирочка. И звонит с подготовительных курсов Гузелечка. И таких котят у него будет еще очень много, грибов не хватит. А ты такая одна, мы из тебя вторую Анну Павлову растим. Вот, осенью будешь танцевать в Чиполлино. В настоящем театре!

– В Коньке–Горбунке, – тихо поправила ее Кира.

– В Коньке–Горбунке, хорошо. Костюмы уже заказали, а ты травиться! И потом, за счастье бороться нужно, а не грибы собирать, – тут она как будто сразу устала и беззвучно зевнула, – И вообще, как вы меня достали! Один ночами шляется, неизвестно где... Вторая в рот сует что попало. У меня от вас круги под глазами. Хорошенький выдался отпуск...

Через год Глеб уехал на учебу в московский университет. Потом Алина Евгеньевна рассказывала Миловановым о красном дипломе. Затем он год учился в Америке, по какой–то международной программе. После остался в Москве, очень удачно устроился, взял в кредит квартиру и посылал родителям деньги.

Глава 2

To: odetta_odilia@mail.ru

From : kira-543mil@mail.ru

Дорогая моя Мусечка,

Как же я соскучилась! Скоро буду в Москве, ты покажешь мне все–все–все. Москва – это же какое–то сплошное небожитие. Муся, я трепещу... Вчера пили Баян–Ширей с Верой Петровной. Праздновали мое увольнение, Мамонт подписал! Урра! Два месяца я таскалась за ним, как голодная блоха за солдатом. Он орал и подпрыгивал в кресле, обзывал змеей, пригретой на груди. Вспомнил все! И как предложил контракт еще в хореографичке и две сольные партии сразу. А я только год протанцевала и предала весь коллектив. На прощание зафиндюлил в меня папкой, но промахнулся. А попал в Терезу Самуиловну и чуть не выбил ей зуб. Это было смешно, она такая гадюка, никогда не забуду как она тебя травила. А Мамонта до жути жалко. Чувствую себя погано, хотя Иудой назвал меня зря. Заявление я подала в конце прошлого сезона, а он меня продержал еще несколько месяцев. Ну ничего, свято место пусто не бывает, у него талантливых стажеров как собак нерезанных... Назад дороги нет, сук подпилен и лестницу убрали, теперь, если даже я приползу на коленях, он никогда не возьмет меня в штат. Даже в гардероб, в буфет, в билетерши!!! Но я свободна–свободна–свободна. Осталось отпрыгать Машу в пяти Щелкунчиках и занавес. Как я хочу работать в Большом! Мусенька, ты

такая счастливая что уже устроилась и танцуешь! Поезд через две недели. Жалко, что у тебя нельзя остановится, но ты не волнуйся. Алина Евгеньевна поговорила с Глебом и представь себе – он согласился! Поживу у него первое время. Вижу как ты скалишься, даже не думай! Мы же взрослые люди, все глупости в прошлом, и грибы тоже, я их ненавижу. Да вот еще, на вокзал приезжать не нужно, меня встретит Глеб, немедленно прекрати ухмыляться.

P.S. Представь себе, Вера Петровна научилась врать. На днях застучала ее в метро с каким-то хмырем. Держатся за ручки и едят конфеты из коробки, и такие лица счастливые. Я спряталась за угол, чтобы не смущать. Домой моя красавица заявила в одиннадцать вечера, в глаза не смотрит, умора, вся такая потерянная. Я спрашиваю : Мам, что так поздно-то? Она : Да вот, Клименко на пенсию провозжали... Ну и как? – спрашиваю. Она : Жалко, хороший специалист, старой еще, нашей закалки. Ну какова, а? Невеста. Я в общем-то я рада. Столько лет прошло, как папа ее бросил.

Я рада, что у тебя все отлично. Твой Алиш мне, правда, никогда не нравился, но раз ты говоришь, что он такой чудесный, беру свои слова обратно. Ты уверена что он разводится с женой по настоящему? Это уже в третий раз, да? Целую тебя и обнимаю, не молчи, пискни чего-нибудь, а то я думаю что у тебя пальцы сломаны.

Поки-чмоки,

Кира

Кира жмет на «отправить». И снова берет дневник, раскрытый на страничке с оригами. Что-то будет. Что-то будет. Что-то будет.

Москва. Все уже почти устроено. За цену железнодорожных билетов, каракулевая шуба Веры Петровны перелетела в шкаф Маши-челночницы из соседнего подъезда. Шуба была куплена задолго до развала империи и Кира наотрез отказалась носить ее в Москве. Она шутила, что такая модель давно вышла из моды даже среди овец этого промысла. Жемчужный набор – серьги и кольца были успешно проданы на Алайском базаре. Мать не горевала по этому поводу. Это был последний подарок – откуп виноватого мужа и отца, за месяц до его ухода к другой женщине.

Страшно, страшно, страшно... – думает Кира, подперев кулаками лицо. После стольких лет, страшно увидеть Глеба опять. Старый тугодум – компьютер выключается долго. Я свезу тебя на свалку! – грозит она ему и чтобы чем-нибудь занять себя, выдвигает левый ящик стола. Там коротает свои однообразные дни много сентиментального барахла, которое Кира все никак не может выкинуть. Например, старый теннисный мячик, который она много лет назад стибрила из спальни Глеба. С тех пор этот стертый до лысины мячик, нещадно битый Глебом о стену, недоумевающий теперь к чему все эти нежности, был много раз прижимаем к щеке с тоской и грустью. И ты тоже на свалку... – думает Кира, – Пора, пора избавляться от детских глупостей.

Глава 3

Ночь. Ветерок надувает парусом тюлевую занавеску. В квартире тихо. Впрочем, у Шуры всегда тихо, если слуховой аппарат на тумбочке. Она только что проснулась, ничего не слышит, в ушах привычный морской прибор, но она знает, что в квартире не одна. В гостиной кто-то шурует. Через коридор видно суетливую пляску фонарика. Иногда, свет соскальзывает в спальню и на мгновение выдавливает из темноты желтый угол буфета, белую подушку на диване, красный огонь чешской вазы на трельяже. От страха у нее поднимается давление,

сердце бухает и горит лицо. Дверь взломали, гады, – думает она с ужасом. Рука ее ходит по простыне, деньги здесь, под ней, слава богу, вшиты в матрас. Успеет–ли она добежать до входной двери? А если нет? И сколько их там, ворюг? Удушат сволочи. Стараясь не шуметь, она тянется за слуховым аппаратом, втыкает бобочку в правое ухо и настраивает громкость. Сначала звуки с трудом пробиваются к ней через шуршание и свист, но постепенно она все четче слышит легкие стуки, осторожную возню и тихое женское пение.

Кто–то мурлычет :

И однажды сбылися мечты сумасшедшие,

Платье было надето, фиалки цвели.

И какие–то люди, за вами пришедшие,

В катафалке по городу вас повезли.

Подбородок у Шуры трясется. Голос тихий, жуткий и знакомый. Сердце бьется все сильнее, она лихорадочно соображает. Если даже она успеет добежать до двери, быстро открыть ее не получится. Замки у нее мудреные, от каждого свой специальный ключ. Остается только одно. Одернув ночную рубашку, она тихо поднимается, вытаскивает электрошокер из тумбочки и, стараясь не топтать, идет босыми ступнями на кухню. В коридоре, прижавшись к стене, она прокрадывается до гостиной. Потом решительно шагает в комнату и резко включает свет. Руку с электрошокером она прячет за спину. Свет заливает комнату и Шура оторопевает. Перед ней ее старшая дочь– Ленка. Стоя на коленях она роется в шкафу. Дверцы его распахнуты настежь, там Шура хранит счета и разные документы. Кипы развороченных бумаг с нижней полки вывалены на пол. Женщины ошеломленно смотрят друг на друга. Обе тяжело дышат всей грудью. Одна копия другой, с разницей в двадцать четыре с половиной года. Фонарик в руках у Ленки дрожит. Через минуту она приходит в себя, выключает его и лицо ее растягивается в натужной улыбке.

– Здраавствуй мама, – развязно и громко говорит она. – Я тут убраться у тебя...

– Ах ты ссука! – прерывает ее Шура. Выставив вперед руку с электрошокером и тяжело топая босыми ногами, она решительно идет на Ленку.

Под нечутким, глухим пальцем мучительными переливами визжит дверной звонок. Кира рывком садится на кровати. В дверь бешено колотят и звонят одновременно. Она включает свет, на часах пол–третьего ночи. Из своей спальни, натягивая халат изнанкой наверх, выбегает испуганная мать. На лестничной площадке кричат.

– Кира, не открывай, – просит Вера Петровна.

Но дочь уже отстегивает цепочку и вставляет ключ в нижний замок.

– Что значит не открывай? Мама, это Шура кричит.

Шура в ночнушке стоит на пороге с перекошенным от ужаса лицом. Ночнушка белая, лицо тоже. В трясущихся руках у нее ключи и слуховой аппарат.

– Милицию! У меня воры в доме. Я их закрыла на три замка! – причитает она.

Вера Петровна кидается к телефону. Кира заводит соседку и усадив на диван, бежит за водой на кухню.

– Корвалолу! – кричит ей Вера Петровна, которая уже советует милиционерам как лучше проехать, – В левом верхнем ящике... Это я не вам, от кладбища направо, дом где аптека... Восемнадцать капель в ложку... Не вам! Прямо и до конца, сразу после детского сада налево... Запить дай! стакан держи! Не вам! Первый подъезд, третий этаж. Девятая квартира.

Шуру колотит, перед глазами мечутся белые, беспокойные мухи.

– Ленка, Ленка ... Документы на квартиру хотела выкрасть! Я ее суку, электрошокером долбанула. Теперь лежит там. А я бегом... Дверь на все замки заперла. Никуда не денется теперь, зараза.

Вера Петровна переглядывается с Кирой.

– Зря мы милицию вызвали, – Кира взвешивает на руке пузырек с корвалолом. – Мам, восемнадцать капель на сто десять кило? Маловато.

– Да ты что, хватит! – пугается Вера Петровна.

– Да ты что! – кричит Шура. – Она же убить меня хочет! Документы на квартиру искала! На себя переоформить! Чтобы сестре Нинке ничего не досталось. А крест на прошлой неделе пропал? А банки литровые с балкона? Это все она! Гадюка. Знаю теперь змею! – трясет она указательным пальцем.

– У нее есть электрошокер? – через Шурину голову спрашивает Кира у матери.

– Есть, – говорит убитым голосом Вера Петровна. – Ей на день рождение Нина подарила.

– Отличный подарок, ма! Хочешь такой на восьмое марта? Дайте мне ключи тетя Шура, – требует Кира.

– Не дам! А то уйдет! Только с милицией! Арестовать!

– Дайте мне ключи, она ведь может умереть! .

– Не ори, я не глухая! Пусть сдохнет, окаянная!

Шура трясет кулаком, в котором зажата тяжелая связка.

– Тетя Шурочка, вы же в тюрьму сядете, если она умрет. А я быстро посмотрю. Ну–ка дайте, дорогая вы моя.

Кира пытается разжать Шурин кулак. Куда там.

– Не дам! – орет и отмахивается соседка.

В дверь звонят. На пороге топчутся два юных милиционера. Шура, расталкивая всех в маленькой прихожей, устремляется к своей двери. Она недовольна, что их только двое. И те сопляки.

– Хотя бы пятеро приехали! – сокрушается она.

– С десятью собаками, – подсказывает Кира.

Шура долго возится с замками и наконец открывает дверь. В квартире повсюду горит свет. Милиционеры осторожно проходят вперед. Тот что постарше выглядывает из коридора в комнату.

– Здесь никого нет. Стойте в подъезде, пока мы осмотрим квартиру. Но Шура не может ждать и бросается за ними. Кира и Вера Петровна следуют за ней. Все в полном порядке. Чисто, как и всегда у Шуры. Никаких следов борьбы в преступниками. На шкафе–купе сидит ее кот.

– Васик, поди сюда, – зовет его Кира.

Но кот этот – известный хам и всегда делает то, что хочет. Поэтому покружив, он опять усаживается.

– Пройдите на балкон! – зовет всех старший милиционер.

Два центральных окна распахнуты настежь. На полу валяется разбитый горшок с алоэ, вокруг рассыпаны комья сухой земли. Вера Петровна отзывает милиционеров в угол и тихо им объясняет, что Ленка не могла быть в квартире у матери. У нее нет ключей, потому что Шура никогда ей не давала. Мать давно не пускает дочь на порог. Пока они тихо переговариваются, Шура со свирепым лицом ищет Ленку в шкафах, за диваном, под кроватью. Поглядывая на нее, сержант задает вопросы Вере Петровне. А рядовой, ну совсем мальчик, игриво посматривает на Киру. Кира вдруг вспоминает, что она в старой, застиранной пижаме и смущается. Деловито одергивает рукава, но это не помогает выглядеть приличнее. Чтобы скрыть смущение, она выходит на балкон и закрыв глаза, запахивает окна. Она до обморока боится высоты.

Это – ее наказание. Глубина, темнота, змеи, пауки, тараканы и мыши нисколько не пугают ее. Однажды на море, когда она была совсем крохой, отец с тревогой наблюдал как покачиваясь в волнах, она решительно шла от берега. Он сказал Вере Петровне : У девочки плохо развит инстинкт самосохранения. За ней нужен глаз да глаз. Ты посмотри, вода ей уже по уши, а она все шагает. Вообще ничего не боится!

Тогда она действительно ничего не боялась, а потом упала с третьего этажа и больше не могла спокойно смотреть вниз. Началом своего страха она считает тот случай, когда ее сильно напугала Ленка – дочь Шуры. Летом, перед поступлением Киры в хореографичку, Ленка развешивала белье во дворе. Она только родила ребенка и несколько недель после роддома жила у матери.

– Хочешь со мной на крышу? – спросила она. – Антенну хочу проверить, а то телевизор не работает.

Маленькой Кире польстило, что ее приглашают в такое интересное приключение. Но Вера Петровна не одобрила бы.

– Мне мама не разрешает.

– Наклала? Так и скажи, – махнула рукой Ленка.

– Я не боюсь.

Кира уперлась руками в бока.

–Тогда пошли.

Когда двери лифта разъехались, Кире вдруг стало страшно выходить из кабинки. Она испуганно посмотрела на Ленку.

– Ну давай–давай, чего застряла?

Ленка толкнула ее в шею. На металлической лестнице у Киры задрожали ноги, надо крепче схватиться за перекладины. Расстояния между ними большие, для взрослых. Теперь толкнуть тяжелую дверь и ох, здесь все совсем другое! Жарче, ветренее, и как –то больше, гораздо больше воздуха! А вокруг все зыбкое, неустойчивое, дом, на котором они стояли, шатался как плохой зуб. Напротив дома высоченная труба котельной ходила ходуном, да и под самой Кирой крыша норовила уплыть в сторону. Ленка уверенно подошла по гравию к низенькой приступочке у самого края, села и откинувшись назад нависла над страшной пустотой.

– Видишь я могу! А ты? – торжественно спросила она.

Киру затошнило, ноги стали ватными. Но она опустила на колени и подползла к соседке. Дрожащими руками схватилась за бордюр и вытянула шею, чтобы заглянуть в обрыв. Внизу все казалось таким крошечным, как в Леголанде. Недавно здесь разбился Хасан – один из близнецов братьев. Он запускал здесь воздушного змея и упал на подъездный козырек. Тогда Кира стояла в толпе и пыталась что–нибудь разглядеть. Мужчины что–то поднимали, и у них были страшные лица. С воем подъехала скорая помощь и Хасан исчез насовсем. Узбеки всегда называют близнецов–мальчиков Хасан и Хусан. Если есть Хасан, то должен быть Хусан. А теперь остался один неприкаянный Хусан. Может быть Хасана затянуло в эту воздушную бездну? Как засасывает ее сейчас? Что–то манит ее туда, какая –то сила, которая хочет чтобы Кире было плохо. Она отпрянула, но Ленка ее перехватила за пояс.

– Стой, не трясись так.

Она подтянула ее к себе и обняла. Кире стало страшно, как пойманная за крыло птица она забилась в Ленкиных руках. Вырваться не получалось, ее держали крепко. Не отрывая безумных глаз от лица Киры, Ленка все прогибалась назад. Еще мгновение и они обе рухнут вниз. Кира с трудом высвободила руку и шлепнула взрослую дуру прямо по лицу. Та злобно засмеялась и еще сильнее сдавила ее.

– Вы что здесь делаете? – мужчина в рабочем комбинезоне вылезал из чердачной двери. – Один уже разбился, мало? Сейчас бы замок на дверь повесил и сидели бы тут до второго пришествия.

Хватка соседки ослабела и Кира метнулась прочь. Ленка медленно поднялась и презрительно щурясь, неторопливо пошла к двери. Через несколько недель Кира выпала с балкона собственной квартиры. И Ленка, оказавшись рядом, повезла ее в больницу.

Через стеклянную дверь видно, что мать все еще занята с милиционером. Васик сидит на шкафе и смотрит вниз на Шуру, которая распахнув дверцы энергично копается в белье. Кире не хочется возвращаться в комнату. Какое-то время она смотрит сквозь стекла на улицу, при закрытых окнах не так страшно. Небо чистое, драгоценным опалом сияет полная луна, в сиреновой ночи качаются голые и суровые по осени тополя, ветер гонит по земле сухие листья. Прелесть ночи очаровывает Киру. Все таки хорошо! Она поворачивает голову в сторону дороги и видит прихрамывающую фигуру женщины. Не может быть!

– Лена! – кричит Кира и пытается приоткрыть окно. Голова у нее тотчас же кружится, руки холодеют и всю ее как будто накрывает тошным мешком.

– Лена!

Женщина ускоряет шаг. Она припадает на левую ногу, поравнявшись с гаражами, втискивается между ними и исчезает.

На балкон выбегает встревоженная Вера Петровна.

– Кира, ты что?!

– Там внизу Ленка.

Мать выглядывает, на улице ни души.

– Ну что за глупости? Пожалуйста, закрой окно и иди в комнату. Сейчас только твоего обморока не хватает. Мать знает, что высота смертельно пугает ее дочь.

Еще некоторое время Кира всматривается в черные гаражи. Но женщина не появляется. Она до удивительного, была похожа на Ленку. С неприятным чувством чего-то невыясненного и страшного, Кира идет в комнату. Милиционер лениво записывает за Верой Петровной. Отрешенная от всего, Шура качается в кресле и разговаривает сама с собой: В окно прыгнула, зараза. Решетки теперь надо ставить, – она откидывается и смыкает глаза. Волокордин подействовал, – думает Кира. Но тут, на беду, в полной тишине Вера Петровна тихо, но отчетливо говорит сержанту: ... прогрессирующий альцгеймер..., – и Шура сразу же оживает: Сама альцгеймер! Сама кукуешь, это тебе к врачу по пятому трамваю! – и крутит пальцем у виска. Сержант лучезарно ей улыбается и под локоть увлекает Веру Петровну в коридор. Второй милиционер, присев на диване гладит наконец спустившегося со шкафа Васика, и весь его китель мгновенно покрывается серой шерстью. Время от времени милиционер смущенно улыбается Кире и наконец решившись, стеснительно просит ее телефон.

– А я уезжаю в Москву, – улыбается она ему в ответ.

– А когда вернетесь?

– Никогда, – отвечает Кира и обзывает себя кривлякой.

– Я мог бы позвонить вам завтра, то есть сегодня, – спохватывается он.

Кире не хочется умывать парня, у него хорошие рыжие глаза, и она воображает, что он наверняка знает много веселых историй с таких вот безумных дежурств.

– К жениху едете? – интересуется он.

У него видимо все просто. Если девушка не дает телефон, значит у нее есть жених. Если едет в Москву, значит к жениху. Парня надо посадить в машину времени и отправить на полвека назад.

– Да, к жениху, – отвечает она и тут же ужасается: Ну как так можно было сказать?

Дома ей вдруг становится страшно.

– Мам можно я у тебя посплю?

– Подушку принеси.

Кира устраивает подушку пониже, как она любит.

– Ведь там внизу точно была Ленка. И окна были открыты! Кто-то же их открыл?

– Да-да, – устало соглашается мать. – Сиганула в окно.

– Мам, Шура уже пару лет не открывает окна. Она же помешанная, думает что Ленка к ней через окна пробирается.

– Ну и как ты себе это представляешь? Женщина под девянсто килограмм прыгает с третьего этажа?

– Ну я же падала с третьего этажа! И без единого синяка.

– Ты была совсем легкой, как мурашник. И тебе повезло. Слушай, давай поспим немного?

Вере Петровне давно все понятно. У Шуры в квартире уже пару лет творятся небывалые вещи. Все пропадает : простыни, полотенца, старые тряпки, ношенные тапки, еще что-то по мелочам. Она уже сменила деревянную дверь на железную. В этой новой, уже два раза переврезала замки, установила тяжелый засов. Церемония закрывания и открывания ее двери приводит в бешенство всех соседей. Дверь тяжелая, из трех-миллиметрового листа, грохот и лязг слышно во всех квартирах. Шура не открывает окна, у нее всегда душно. Отказывается оставаться на ночь в гостях у сестры и вообще, старается не отлучаться из дома, а вещи все пропадают. Кто-то должен быть виноват что вещи исчезают, и Шура находит виноватого, собственную дочь – Ленку. В ее новом мире, совершенно нормально, если взрослая, довольно тучная женщина забирается на третий этаж по складным лестницам, или как опытный альпинист, перещелкивая карабины, лезет вверх по решеткам нижних этажей. Столько усилий, чтобы поживится убогим барахлом. Вере Петровне с этими историями приходится соглашаться. Ну не скажешь же живому человеку что у него склероз. Вот, например недавно пропал золотой крест. Шурка сунула куда-то и забыла. А сегодня ей приснилось что Ленка пыталась украсть документы на квартиру. Бедная мать, бедная дочь!

– Вера Петровна, давай не выключим ночник сегодня?

– Давай.

Кира зевает. Смотрит на свою голую узкую ступню, шевелит розовыми пальцами.

– Надеюсь мои ноги не скоро деформируются. Ты бы видела у Матильды Исмаатовны такой страшный развал стопы... Это профессиональное.

– У тебя не развалится, у тебя птичьи кости, ты легкая как воробей, – уверяет ее мать. Потом вздыхает, – Знаешь, к старости все деформируется.

– Видно по Шуре, правда? Ну такая скучная! Если уж сходить с ума, то интересно, а она забуксовала на Ленке.

– А кто у нее должен красть? Чебурашка с подрезанными ушами как у добермана и крокодил Гена в саване? – усмехается мать.

– Ну какой крокодил Гена? Мам, ты все еще при социализме живешь. Ну скажем, зеленые человечки могут полезть из унитаза... – фантазирует Кира.

– Зеленые человечки – не самое страшное, что может полезть из унитаза. Вот когда мы жили на первом этаже... Боже мой, о чем мы говорим? У тебя завтра есть спектакль?

– Дневной.

– Послезавтра вечерний, значит утром заглянешь к доктору Далаки.

– Не хочу к нему, – стонет Кира.

– Заодно расскажешь Ленке, что сегодня произошло. Все, на погружение, – командует Вера Петровна.

Глава 4

Стеклянную колбу отец подарил на день рождение, Кире тогда исполнилось шесть лет. Под ее куполом росло карликовое дерево магнолии. На ветвях, усыпанных цветами, сидели прехорошенькие бабочки. Основание колбы было выложено кусочками резанного зеркала, из-за них все множественно дробилось на фрагменты разного по яркости света, играло, слепило и завораживало. И если нажать на кнопку, начинала играть божественная музыка Моцарта. В общем все было волшебным, просто волшебным. Подарок поставили в сервант и редко позволяли трогать. Через пару месяцев отец ушел от жены и дочери к другой женщине. Майя иногда приходила к ним в гости. Всегда на каблучках, она даже в доме никогда не разувалась. Желание увидеть ее босой изводило Киру. Она приносила шлепанцы в надежде, что та когда-нибудь разуется. Но Майя гладила Киру по волосам и уходила курить на балкон. Ступни ее безобразны, – решила Кира. Но ведь никто не знает! Может быть отец ушел из дома, чтобы подкараулить разутую Майю? В эти дни Вера Петровна лежала на диване с остановившимися глазами. Алина Евгеньевна привозила суп и когда могла оставалась ночевать. В доме было невыносимо тихо, про Киру как будто забыли. Не находя себе места, она сновала по квартире и все чаще замирала перед дверкой серванта. Колба отражалась в глазах, посверкивала зеркалами и просилась в руки. Как Кэрролловской Алисе Кире хотелось стать малюсенькой, размером с бабочку. Присесть на ветку, болтать ногами, вдыхать аромат магнолий и вместе с бабочками подсвистывать Моцарту. Та-ра-ри-ра-рам... Она не выдержала, достала ее и ушла к себе в комнату. Мать не сказала ни слова, рот ее был забит горем. В детской спальне выпущенная на волю колба заиграла. Кира нажимала на кнопку и хотела еще и еще чарующей музыки. Бабочки пели долго, пока наконец не умерли батарейки. Колба замолкла навсегда и Кира разрыдалась так громко, что Вера Петровна прибежала в комнату. Дочь сидела на кровати, обнимая безмолвную стекляшку, и в лице ее, обращенном к матери было столько отчаяния, что рот Веры Петровны некрасиво перекосившись, наконец открылся. Слезы заструились по щекам, горе стало выходить из нее медленно, через спазмы и вздохи, разрешая ей хотя бы немного стать прежней. Кира и мать долго обнимались, говорили о том что любят друг друга, об отце, о том что им нужно учиться жить счастливо без него.

Через несколько дней Алина Евгеньевна повела их в театр оперы и балета. Давали Золушку и Кира очаровалась навсегда. В этот день она снова почувствовала себя по настоящему счастливой. Ах, старый стеклодув-волшебник раздул купол подаренной отцом колбы, превратив ее в огромное здание. Кире уже не нужно было становиться маленькой, чтобы проникнуть в этот манящий ее мир. К театру можно было подъехать на трамвае, остановка прямо через дорогу. У парадного входа с колоннами бил фонтан, по ступенькам, через резные двери можно было пройти в здание и потрогать его мраморные внутренности. И ох, там было очень много всего : игра света юпитеров, яркие краски декораций и позолота орнамента, переливающиеся бархатом кресла, оркестровая яма, с похожим на пингвина дирижером. Когда перед увертюрой он взмахивал палочкой, в зале все умирало до антракта. Такой он был чародей. И бабочки! Они были на сцене! Живые и нарядные порхали и если останавливались, то замирали в таких красивых позах, с ножками стрелами, обутыми в невиданные туфельки, в которых можно ходить только на пальчиках. От восторга Кира благодарно смотрела то на мать, то на Алину Евгеньевну. Глаза были распахнуты от переполняющего чувства. Ей вдруг стало все про себя понятно, она сама станет бабочкой и музыка не стихнет никогда. Уж теперь она об этом позаботится.

Мамонт заметил Киру еще в училище. Хорошо сложенную девочку с высокой шеей и яркими глазами. То, что она выделялась на экзамене и на выпускном спектакле удивило его. Была в ней, не по возрасту техническая крепость и по возрасту, необыкновенная легкость, почти летучесть, вместе с изяществом четких движений. Но самое главное – умение держать не сбиваемый апломб. Про это ее умение держать равновесие без поддержки, в училище ходили легенды. Мамонт был сражен и сразу же предложил партию Маши в Щелкунчике. Вот так сразу, без мучительного стояния у воды в кордебалете, она получила ведущую партию. Щелкунчик, две феи в «Спящей красавице» в первом и третьем актах, два стажерства и частые дивертисменты радовали ее целый год. Она протанцевала сезон и, ко всеобщей зависти, Мамонт предложил ей Китри в Дон Кихоте. Но этого уже было мало, чего-то не хватало. В первый раз, сразу же после успешного дебюта, об этом ей сказала мать. Все еще в ознобе бьющего через край счастья, с букетом хризантем Кира сидела рядом с шофером такси. Дождь разливался по блестящему асфальту. Огни уличных ламп многократно отражаясь от всех мокрых поверхностей, еще напоминали ей авансцену, где она благодарно сгибалась перед зрителями. Ее питал этот обмен энергией со зрительным залом. Она чувствовала такой прилив счастья, что могла бы снова отыграть весь трех-актовый спектакль. В этот момент Вера Петровна сказала, что все таки нужно ехать в Москву. Ты когда –нибудь бываешь довольна? – резко оборвала ее Кира. Но мысль уже покатила по высеченному чужими амбициями желобу.

Гримерша Саша только что вышла. В воздухе дымятся клубы лака для волос. До начала спектакля еще час. Грим для Маши самый незамысловатый. Кира и так выглядит как девочка. Саша быстро причесала и нарисовала ее. Теперь нужно немного разогреться. Растянуться, чтобы не порвать мышцу или сухожилие. Кира этим никогда не пренебрегает, однажды на ее глазах неопытный стажер получил травму и вынужден был уйти в годовой отпуск. Нет, спасибо, это в Кирины планы не входит. Она натягивает на икры старые гетры и надевает кофту, поверх розовой туники. В театре холодно. Хорошо что за сценой есть вентиляционная труба, возле которой можно греться между выходами. Нельзя чтобы мышцы остывали. Она выходит из гримерки, в коридоре кто-то тут же приобнимает ее за плечи.

– Кураев!

– Милованова! Пойдем на лестницу... Поквакаем. Сегодня же в последний раз, да?

В растянутой олимпийке, поверх расшитого блестками кафтана и с сигаретой во рту, он напоминает принца, который прячется под одеждой свинопаса. Он живописен, да. Любимец пожилых балетоманок, преданно таскающихся на все его представления. Красавец-солист с мощной фасадной лепниной, кудрями до плеч и томными глазами. В каждом театре есть такой. Свой, взлелеянный.

Кроме них на лестнице никого нет. Кураев со вкусом затягивается.

– Дай мне тоже, – просит она.

– Ты же не куришь! – удивляется он.

– Сегодня курю.

– Чемоданы собрала?

– Вера Петровна собрала. Как в арктическую экспедицию Нансена, только без собачьих упряжек. В Москве, оказывается, бывают страшные морозы. Ты когда-нибудь бывал там зимой?

– Однажды попал в минус тридцать, чуть не сдох, пока такси поймал.

– Надо же! Я думала она врет, такая паникерша.

– Что Мамонт?

– Проходит мимо, даже не здоровается. Жалко его ужасно.

– Сам виноват, если бы отпустил сразу, ты бы не ушла в середине сезона.

– Он надеялся что я передумаю...

По лестнице с топотом бегут кордебалетные. Они уже при параде, покрашены и причесаны. Киру они никогда не жаловали, сначала из зависти, а теперь она подколодная змея. Мамонт пригрел ее на груди, вывел в солисты, а она предала его и театр. Они пробегают мимо, едва кивнув. На лестнице остается сладкий запах гиацинтов. Кураев машет сигаретой перед носом, как будто табачный дым гораздо приятнее.

– Ты все правильно делаешь, – говорит он. – С этой сцены далеко не прыгнешь. Кулисы в дырах, пол прогнил, тщеславие жрет, деньги копеечные. Вот они, – он махнул рукой в сторону двери, в которую выпорхнули кордебалетные, – только о деньгах и думают. Любовь к искусству плохо оплачивается. Пока им родители помогают, а будет семья, разве прокормишь? Дети не скотина, букеты кушать не станут. Я и сам уехал бы, но мне на пенсию через пару лет.

– Какая пенсия? Ты у нас еще такой огурец!

Кураев распрямляет плечи, чтобы показать какой он огурец. Пока его не выпрут, он конечно не уйдет. Кира старается не кашлять, плохой из нее курильщик.

– Мусина то в Москве? – игриво спрашивает он.

– Она меня ждет!

– Ох зажжете девки... Звезды на Кремле! Мой совет : ты с ней там не особенно... Муся только и умеет что без лифчика на трубе висеть. Одним словом стриптизерша, с ней быстро деградируешь.

– Да ну что вы все! – отмахивается Кира, – Что, я Мусю не знаю? Она не стриптизерша. Она яркая и индивидуальная, и что бы вы все не говорили, с ней даже деградировать интересно!

Мусю выгнали из театра пол-года назад, за то, что она по ночам танцевала в клубе. Скандал был громкий, но кто донес, так и не узнали. Хотя конечно, место было известное. На счет «без лифчика» – абсолютная неправда, Кира сама все видела, был кожаный лифчик, такие же трусы и ботфорты на шпильках.

– Заболоцкому было так интересно с ней деградировать, что он даже повесился, – не понимает Кураев. – Хорошо успели из петли вынуть.

– Кураев, цыц! – отрезает Кира и подносит указательный палец к его носу. – Как вам всем не надоело? Одно и то же, из года в год, уже и забыть пора...

Она вдруг бледнеет. По лестнице спускается Мамонт. Энергично, но все же тяжело отдуваясь. Поравнявшись с Кирой, он гневно бросает : Закурила уже? Ну-ну... То-ли еще будет! А ну иди за мной.

Кира с ужасом смотрит на Кураева и бросив окурки в песочную пепельницу, тащится за директором. Мамонт идет далеко, в пошивочный цех. Она семенит за ним по коридору, потом еще два пролета в подвал и наконец перед самым входом он останавливается, берется за ручку двери и поворачивается к Кире.

– Милованова, рекомендации я тебе не дам. Не проси.

– Я не прошу, – слабым голосом говорит она.

– Ну и дура, я же говорил.

Кира начинает злиться.

– Но вы же не дадите...

– Не дам, я уже сказал! – кричит Мамонт. – Кому нужны мои рекомендации в Москве? Там же все лауреаты конкурсов! А ты – лауреат? Нет! – отвечает он сам себе, – Могла бы быть. Но у нас денег нет, на конкурсы ездить. Спонсоры только в карате, дзюдо, восточные единоборства деньги швыряют. Плевать им на нас, мы же никого не убиваем!

Лицо его морщится. Кира помнит как он тщетно пытался найти денег, чтобы отправить ее и Заболоцкого на конкурс в Варну.

– Рекомендации не дам, не проси!

– Я не прошу...

Он тычет ей пальцем в колени.

– Вот твои рекомендации. Две! Ты на них танцуешь... Покажешь им Китри с выпускного или гранд аллегро из партии королевы Виллис. Ты же была в Жизели стажером у Камиллы? А я тебе хотел партию дать... Ну что тут теперь говорить? Только ноги и помогут. И господь бог.

Кира вздыхает, чтобы показать ему как она все прекрасно понимает.

– Ноги, господь бог... и Заболоцкий. Слушай меня, он там на хорошем счету, и далеко пойдет, если опять с твоей Муськой не свяжется. Я с ним вчера разговаривал. Позвони ему, он обещал помочь. Его телефон у секретаря возьми.

Мамонт царственно указывает ей пальцем назад, в пустой темный коридор. Она свободна. У Киры набегают слезы. Она знает московский телефон Заболоцкого, ведь они столько лет бок о бок, учились в хореографичке. Но забота Мамонта, которого она бесконечно любит, трогает ее.

– Александр Пахомович... Я... Простите меня...

Она готова кинуться ему на шею.

– Зайдешь ко мне, когда ведущую партию в Москве получишь, и не раньше. До этого я тебя видеть не хочу. И слышать о тебе ничего не желаю!

Он захлопывает за собой дверь. Кира остается одна в полной тишине. Единственная лампочка на потолке освещает не крашенные бетонные стены подвала. На мгновение ей становится страшно. Что же будет с ней в Москве? В большом, чужом городе? Уверена ли она в своих силах? Сможет ли она там прорваться? Так –ли нужны там ее ноги? Она стряхивает себя эту минутную оторопь. Все будет хорошо, она в это верит.

Глава 5

Очередь к доктору Далаки длинная. Это довольно тоскливо, сидеть целый час с кислыми пациентами, дожидаясь пока тебя примут. В поликлинике прохладно и пахнет йодом, а на улице шикарный день, солнечный, без всякой мути в небе. Из кабинета выходит Ленка – Шурина дочь. Она работает медсестрой у Далаки. Подмигивает Кире.

– Сейчас, я схожу за заваркой, и заведу тебя.

В очереди осуждающе смотрят на Киру, а старушка, которая прямо перед ней, начинает тихо раздуваться.

– Да ладно, я подожду. Я вот, уже сразу, за бабушкой.

– Как знаешь, – улыбается Ленка и удаляется, оглаживая халат на крутых бедрах.

Кира внимательно смотрит вслед. Ленка не хромает, а уверенно плывет по коридору. Крепкая, обтекаемая, похожая на новенькую, только что отлитую пулю. Той ночью на дороге женщина сильно прихрамывала, значит все это глупости. Из-за случая на крыше Кира не любит Ленку. Взрослая женщина и так напугать маленькую девочку! Это чувство она не может перебороть, хотя и должна быть благодарна соседке. Вскоре после случая на крыше, Кира упала с собственного балкона. В тот день, Шура с Ленкой пили чай у Миловановых. Пока они обсуждали соседку со второго этажа, Кира шмыгнула в дверь лоджии, взгромоздилась на стул, чтобы пощипать струны для белья, а заодно поглазеть во двор и перекрикнуться с друзьями. А дальше она ничего не помнила. Ничего. Первое, что вылепилось из мутного пятна обморока – было лицо Ленки. Именно она несла Киру на руках до дороги, чтобы поймать машину. И именно она растолкала всех в очереди приемного покоя. Ослабевшую Веру Петровну вела под руки Шура. Ленка позвонила Далаки и он сразу же примчался. После осмотра он вывел совершенно целехонькую Киру в коридор. Мать сидела зеленая и сливалась по цвету с бактериями, которые извивались за ее спиной на плакате, ратующем за гигиену. В тот день матери нужна была помощь гораздо больше чем Кире.

– С третьего этажа, и ни одной царапинки! – восхитился Далаки. – Мне тут врачи сказали, утром у них был перелом бедра со смещением позвоночника. Мужик упал с табурета на кухне, лежать будет минимум пол-года.

– Перелом бедра, – бормотала ничего не понимающая Вера Петровна.

– Нет-нет, – это не у вас. У вас все в порядке. Дайте-ка женщине воды, – сказал он Ленке. – А у вас все хорошо, ни одной царапинки. Птичьи кости! Девочка совершенно здорова. Только вот... У нее родимое пятно на животе, пока ничего страшного, но надо будет наблюдаться. Лена, объяснишь женщине.

Ленка сделала для них в тот день очень много, но она скользкая и непонятная. Ехидная улыбка редко сходит с ее лица, она разговаривает со всеми издевательски-ласково. Она совершенно бросила мать. Кира не понимает как так можно? Никогда не звонит, чтобы узнать как Шура, не нужно ли чего. Все ее проблемы решают соседи. Вот сейчас, например, Шура откачивается выходить из дома. Все продукты до спичек покупает Вера Петровна.

Из кабинета высовывается Ленкина голова.

– Милованова!

Кира заходит в кафельную комнату со стеклянными шкафами. Как она все это ненавидит.

– Кира, я в восторге! Водил детей на Щелкунчика, какая Маша! – восклицает с восторгом Далаки.

Под пушистыми усами он складывает крупные губы в дудочку и свистит мелодию адажио. Кира скромно улыбается.

– Какая Маша! Маша да не наша! – не унимается он.

В который раз Кира думает что он, несмотря на степень, все таки пошловат. У нее нет благоговения перед его кандидатской, как у Веры Петровны.

– Не сфальшивил? – спрашивает он встревоженно.

– Очень похоже, – уверяет она его.

– Как дела, дорогая?

Далаки всегда говорит с ней излишне вдохновенно. Кире это неприятно, похоже он держит ее совсем за дурочку. Но так как доктор никогда ей не нравился, с возрастом она перестала сокрушаться по этому поводу. С Верой Петровной он говорит по другому. Нахмутив брови и мастерски жонглируя страшными терминами.

– Я ведь уезжаю. Мама прислала меня проверить перед отъездом.

– Теряем талантливых людей, – говорит он Ленке и смотрит на медсестру так, будто бы она виновата в отъезде Киры. – Зачем ты уезжаешь? Тщеславие большой грех, с ним трудно жить.

У вас забыла спросить, – хамит ему мысленно Кира и раздевшись боком выходит из-за ширмы. Ленка всегда бесцеремонно ее разглядывает. И это бесит.

– Ложись, милая Кира! – экзальтированно восклицает доктор. – Простынь сменили? – строго спрашивает он медсестру.

Кира ежится, пальцы у него холодные. От халата пахнет мазью Вишневского и крепким одеколоном. Он склоняется над ее родимым пятном. Два распростертых крыла или Фолклендские острова, как обозвал их однажды Глеб. Этих крыльев обморочно боится Вера Петровна. Главное чтобы они не поплыли вширь, чтобы их география оставалась неизменной. Не меняла форму и цвет. Кира к островам относится ровно, они часть ее, так же как и пальцы на руках и ногах. Радовало, что они на животе и их всегда можно скрыть корсетом. И не такого уж они и темного цвета, кофе сильно разбавленный молоком. Конечно, в спектаклях с восточными мотивами всегда короткий лиф и юбка или шальвары с низкой посадкой. Но и в этом случае

можно попросить костюмных подшить вставки телесного цвета или просто замазать маскирующим кремом.

От нечего делать, Кира рассматривает лицо Далаки. Наверное, для женщин определенного возраста он привлекателен. Аккуратно подстригает усы и у него всегда тщательно выбрит затылок. Интересно, Вере Петровне он когда –нибудь нравился? Лицо у Далаки сейчас серьезное и сосредоточенное. Он мягко щиплет ее по контуру островов.

– Когда уезжаешь?

– В следующую среду.

– Значит на пятом, скором поезде? Тю–тю! И Кира от нас сбежала!

– Откуда вы знаете что на пятом? – удивляется она.

– О, я знаю даже расписание автобусов, которые возят гастарбайтеров в Москву. Можешь одеваться. Пока патологии нет, все как всегда. Лена возьмет кровь на анализы... И да, еще один соскоб. Это совсем новая технология.

Он тщательно моет руки и к удивлению Киры, мажет их детским кремом.

– Надеюсь ты понимаешь... С этим шутить нельзя. В Москве ты сразу встанешь на учет к Еникееву. Хороший специалист, не такой красивый как я, – он любуется собой в зеркале над умывальником. Приглаживает усы. – Но ничего, не противный. Играет на гитаре, испанская школа, играет как бог! Лена даст тебе его координаты.

– Хорошо, – покорно соглашается Кира.

При чем здесь испанская школа? – думает она. – К черту Еникеева с его гитарой. Уж без Веры Петровны я точно к этим врачам ни ногой.

Она чувствует себя великолепно. Это все задвиги матери. Ленка со шприцом в руке уже поджидает ее у кресла. Кира чувствует крепкий запах спирта, когда ей натирают внутренний сгиб руки.

– Лен, ты случайно не заходила к маме позавчера вечером? – решается спросить Кира.

– Конечно нет, – невозмутимо отвечает Ленка. – А что такое?

– Ну, понимаешь, такое дело... – переходит на шепот Кира, оглядываясь на Далаки. Доктор полностью поглощен заполнением каких-то бумаг, и даже сейчас на его полном, красивом лице гуляет самодовольная улыбка.

Ленка забирает Кирину кровь во множественные пластиковые пробирки. Осторожно завинчивает их и пакует в прозрачный контейнер. Часть оставшейся крови растирает по стеклышкам, которые аккуратно задвигает в специальную подставку с пазами.

– ...Понимаешь, окно было распахнуто, – шепчет Кира. – И твоя мама подумала, что ты выпрыгнула в окно.

– С третьего этажа? – уточняет Ленка и крепко складывает ее руку в локте. Держи пока, не отпускай, а то синяк будет. Густющая кровушка у тебя, надо было утром пару стаканов воды выпить.

– Кто выпрыгнул с третьего этажа? – вдруг спрашивает Далаки.

Никто, – хочется сказать Кире, но она сдерживается.

– Я выпрыгнула с третьего этажа, но сначала меня долбанули электрошокером, – объясняет Ленка, кокетливо улыбаясь. – Та же история, мать с ума сходит.

– Нужно отвести к специалисту, есть один хороший...

– Так она и пойдет! – отрезает Ленка. – Она меня на порог не пускает. – Открой рот, – просит она Киру.

– Это еще зачем?

– Новый метод тестирования. Я возьму соскоб со слизистой.

Маленькой щеточкой она лезет Кире в рот и хорошо пошкрябав ею за щекой, запаковывает в пакетик.

– Лен, может все таки зайдешь к нам сегодня? – просит Кира. – Вера Петровна попробует вас помирить.

– Не пойду, еще кипятком плеснет !

– Вы друг друга боитесь. Она не знает куда документы на квартиру спрятать. Думает ты их украсть хочешь...

Глаза медсестры сужаются.

– А она не говорила, куда она их хочет спрятать?

Кире не нравится ее противный, ищущий взгляд. Она пугается, Шура же просила никому не говорить! Ей теперь и самой кажется что Ленке действительно нужны эти злополучные документы. А иначе, зачем бы она так интересовалась?

– Закопала, кажется.

– Как закопала? Где? – не унимается Ленка.

– Я не знаю.

– Марзаматичка! Они же там сгниют! – вскрикивает она.

Далаки начинает смеяться.

– Я тут кое-что вспомнил..., – оправдывается он.

У Ленки расстроенное лицо, зло сжатые губы. В разрезе халата взволнованно вздымается грудь. Моя руки, она забывает снять перчатки. И только намылив их, быстро стягивает и бросает в ведро. Кира вдруг ясно понимает, что рассказывать ей ничего нельзя. Хорошо, что она не проговорилась. Улыбаясь, Далаки провожает ее до двери : Кира, дорогая, вот телефон и адрес клиники. Не забудь, доктор Еникеев. И уверен в следующий раз увижу тебя на сцене в Большом.

Сразу же после того, как за Кирой закрылась дверь, Далаки проводит ладонью по лбу, смахивая воображаемый пот.

– Знаешь, насчет этой квартиры..., – начинает Ленка.

Но доктор поднимает указательный палец, сейчас есть дела поважнее. И медсестра замолкает. Он вытаскивает из ящика стола айфон и набирает номер, прокашливается, лицо его становится опять игривым.

– Таисья Петровна, как поживаете?

– Далаки? – вопросом на вопрос отзывается в трубке хриплый голос.

– Далаки, Далаки.

Повисает пауза. Видимо Таисья Петровна пытается вспомнить кто же такой Далаки, высветившийся на ее циферблате.

– Июньский семинар. Мы с вами на банкете за одним столом сидели, а потом кальян курили в номере у чеха Гусяка .

Доктор берет со стола маленькое, увеличительное зеркальце и внимательно рассматривает свое лицо. Рот его растягивается от удовольствия, ему нравится то, что он видит.

– Восточный филиал? – вспоминает вдруг Таисья Петровна.

– Средне-азиатский. Как поживаете?

– Ээм, я на встрече, в Марио. Что вы хотели?

Далаки теряет, Таисья Петровна грубо дала ему знать, что кальян кальяном, а разговаривать с ним ей некогда.

– Ну, если по делу... Да вот стараемся изо всех сил, у меня очень хорошая новость. Поездом номер пять, в следующую среду, объект 861 выезжает в Москву. Сдаю с рук на руки. Девочка тянет на девятую категорию, отметьте шампанским, не выходя из Марио.

В трубке молчание. Далаки кажется что на том конце о трубку звякает бокал. Видимо Таисья Петровна пьет за свой орден прямо сейчас.

– Господин Далаки, во первых я не пью. Как сотруднику компании, которая придерживается жесткой, антиалкогольной политики вам должно быть это известно. Вы рапорт в головной офис послали?

– Нет еще... – запинаясь Далаки, ошарашенный ее ледяным голосом, – Я решил в первую очередь позвонить вам.

– Так вот, мне звонить не нужно. Это нарушение субординации и процессуального порядка. Я и пальцем не пошевелю пока не получу актио–ордер с инструкциями из головного офиса.

– Хорошо–хорошо, я сегодня же отправлю рапорт.

Голос у Далаки дрожит. Ленка, готовящая инструменты к стерилизации, испуганно на него оглядывается.

– Какого года объект?

– Ей девятнадцать.

– Почему не разобрались на месте?

– Решение пришло недавно. Своей вербовки у нас нет, мы ждали специалистов из Рег-центра, но они не успели. Девочка уезжает. Извините, объект уезжает, – поправляет он сам себя.

– Срочно подайте рапорт. Всего доброго.

В трубке слышатся гудки отбоя.

– Всего доброго, – вежливо, в пустоту говорит Далаки и тут же взрывается, – Сука! Устрицы она жрет в Марио!

Он швыряет зеркало в угол стола. Но просчитывается, и оно со звоном разбивается о пол.

– А мы выпьем шампанского. Лен, достань из шкафа.

Медсестра с сочувствием поглядывая на доктора, достает бутылку и мастерски, в мгновение, бесшумно выкручивает пробку.

– За что пьем? – спрашивает она.

– За то, что избавились от страшного геморроя. Такого страшного, от которого даже умирают, – он махом опрокидывает фужер в себя. – Они там в Москве с ней помучаются. У Таисьи устрицы в горле встанут. Не пьет она! У нее глотка луженная... Вот гадина! – он нервно смеется, – Она одна бутылку вискаря тогда выдула... Я напишу рапорт сегодня... А ты отправь в Головной офис курьера с последними сэмплами и кровью. На вечерний самолет он успеет.

Далаки опять наполняет пластиковый стаканчик.

– Пусть думают что Далаки идиот и не может отличить девятую категорию от...

Он погружается в свои мысли. В стакане не рвущейся ниточкой поднимаются пузырьки шампанского. Ленка отпивает только один глоточек, оно теплое и поэтому противное. Далаки теперь трудно узнать. Где тот доктор, которого она любит? Обычно такой непробиваемый, Далаки раздавлен. На лбу испарина, руки дрожат.

– Да не переживай так, Алексис, – не выдерживает она.

– Не буду, а то не переживу. Что ты там говорила про мать? Далась тебе эта квартира? Ты же четырехкомнатную купила! Мать пожалей.

Ленка видит что Далаки нет дела до квартиры ее матери. Он полностью в своих мыслях, но сейчас хочет сменить разговор.

– Моя шизанутая мать хочет все записать на сестру. Меня она ненавидит, а я думаю, что сестра перебьется! Они хотят из меня дуру сделать, а я не позволю. Раз не хотят отдавать мне положенную половину, я заберу все!

Глаза ее злобно сверкают. Далаки понимает, что спорить бесполезно.

– Кстати, почему твоя сестра не в базе данных? Мы ее проверяли? – спохватывается он.

– Ну, доктор вспомнили... Конечно проверяли. Полный ноль, она же от другого отца, – презрительно бросает Ленка.

– Ну ладно–ладно... Будь осторожнее в следующий раз, – советует он. – Хорошо ты рукой прикрылась, а то могло и в район сердца трахнуть. С сердечно–сосудистой шутить нельзя. Неизвестно какой он мощности, этот ее аппарат...

Далаки представляет Ленкину мать с электрошокером и смеется. Ленка понимает почему и тоже прыскает.

– Какова ведьма? – спрашивает он.

– Тебе смешно, а у меня пятна на плече остались, – жалуется она еще подрагивая от смеха, – и нога болит сильно. Знаешь как трудно было не хромать перед Киркой?

Она пересаживается к нему на колени, но доктор вялый, разговор с Таисьей Петровной прибил его. Он слабыми руками обнимает плотную талию медсестры и тоскливо думает: Бежать! Бежать! Уехать бы в Грецию к родственникам, насовсем. Но ведь догонят, найдут! И тогда все, все будет кончено. А что дети, жена?

– Где Кира будет жить в Москве? – спрашивает он вдруг, вспоминая о рапорте.

Почувствовав равнодушие любовника, медсестра соскальзывает с его колен.

– Кажется у знакомого.

– Узнай адрес, или хотя бы как его зовут.

– Сегодня позвоню ее матери.

Некоторое время они оба молчат.

– А с квартирой я разберусь! Эта квартира будет моей! – говорит Ленка и наклонившись целует доктора в нос.

Чертово племя! Чертово племя! – думает Далаки и встает с кресла. – Я домой, рапорт писать. Скажи в коридоре, что до трех меня не будет.

Глава 6

Глеб только что припарковал машину. Его Фредерик Констант показывает половину десятого. Утреннее совещание скорее всего уже началось. День сегодня кажется состоит из одних неприятностей. Начальник отдела Лидия хотела собрать всех ровно в девять. И он почти было успел, но прямо перед поворотом к офисной башне попал в пробку. Теперь Лидка будет беситься. Глеб подмигивает новенькой девушке на рецепции, нужно будет как–нибудь перекинуться с ней парой слов, она уже вторую неделю призывно ему улыбается. В офисе жарко, выйдя из лифта он скидывает пальто, а потом и пиджак. В коридоре ускоряет шаг, чтобы Лидия видела, что он все таки хотел успеть. У начальницы хмурое лицо, сжатые губы. Сейчас начнется.

– Кто–то опять не ночевал дома..., – зло чеканит она.

– Доброе утро, Лидия, – подчеркнуто вежливо отвечает Глеб.

– Второй день в одной и той же рубашке.

Она демонстративно смотрит на свои ручные часики, хотя на стене, прямо перед ней, висит огромный офисный циферблат.

– И мы, кажется, опоздали.

– Да, застряли в пробке, – спокойно объясняет Глеб и включает компьютер. Он достает зубную щетку и дезодорант из ящика стола. – А Петраков где?

– В Караганде.

Ух, мы какие! Глебу смешно. Руки у нее скрещены на груди, напряженное лицо, вытянутая короткая шея. Разъяренный детеныш носорога. Глеб знает, что если начать извиняться,

носорог тут же поднимет кучу пыли и тогда держись. Поэтому он ведет себя так, как будто ничего не случилось.

– Марина до сих пор не может купить тебе зубную щетку? – нападает Лидия и переступает с ноги на ногу. На ее мощных, как кегли ногах новые лаковые туфли. Такие высокие, что стоять на них долго невозможно. Поэтому она осторожно присаживается на стол переговоров, который немедленно начинает поскрипывать. Глеб знает, что на прошлой неделе она отвалила за эти туфли половину месячной зарплаты.

– Марине негде прятать мою зубную щетку, – дружелюбно объясняет он.

В ее глазах вспыхивает любопытство. Она любит подробности из жизни Глеба. Своя у нее, хоть и насыщенная, но личного в ней очень мало, все больше офисная суета.

– Лидуся, туфли! – восклицает он и восхищенно впериывается в ее ноги. Это срабатывает, смущенная улыбка расцветает на ее лице.

– Думаешь? Ничего так, башмаки, да? Кофе будешь?

Гроза миновала. Глеб, в очередной раз с удовольствием отмечает, как ему опять легко сошло с рук. Петраков бы лежал под столом, растоптанный новыми Джимми Чу.

– Из твоих рук все что угодно! Большой и черный, пожалуйста.

Прокатав подмышками роликовый дезодорант, он идет в туалет, чистить зубы.

До следующего раза с Лидией все улажено. Она всегда ревнует Глеба к его девушкам. Марину просто на дух не переносит. Ну что же, Лидию можно понять. Глеб полощет зубную щетку в раковине и смотрит на свое отражение. Немного припухло под глазами, он недоспал. Но все равно, чертовски хорош. Мать говорит, что он так себя любит, что у него все зеркало в засосах. Конечно, ему нравится пощурить глаза и поиграть бицепсами, но во всем этом много самоиронии и насмешки над самим собой. Во всяком случае так ему хочется думать. Он проводит ладонью по подбородку, хорошо бы побриться. Бритвенный станок в офисе ему бы не помешал. У себя в квартире держать его туалетные принадлежности Марина боится. А бриться станком Павлика, он конечно брезгует. И вот опять, после ночевки у Марины, он не мыт и не брит. Обычно, когда Павлик в отъезде, Глеб принимает у нее душ, а чистит зубы уже в офисе. Зубная щетка – веский аргумент для этого неврастеника – Павлика.

Сегодня утром Глеба разбудила Марина.

– Глеб, одевайся. Я еду в Аэропорт, Павлик скоро прилетает.

– Что?

– Давай–давай! Сейчас придет домработница, нужно убраться.

Она стояла у зеркала и уже давала указания по телефону.

– Смените белье... нет не шелковое, Павел Николаевич не любит... вымойте ванную... нет полы не натирать, не успеете... просто пропылесосить...

В это же время она рассматривала себя в зеркало. Пучила губы и задирала подбородок. А Глеб прыгал на одной ноге, торопясь сунуть другую в брючину и вдруг наткнулся взглядом на ее лицо в зеркале. Марина встретила с ним глазами и гадко, виновато улыбнулась.

– Ты такая шлюха, – сказал он в сердцах.

– Я знаю, – ответила она, зажав пальцем слуховую дырочку в трубке. И сразу же, как ни в чем не бывало, щебетала дальше, – ...Омлет с семгой, творожники и фруктовый салат. Пошлите Васю за творогом, ему все равно нечего делать, Павла Николаевича я встречу сама.

Глебу вдруг захотелось схватить тяжелый подсвечник и грохнуть им зеркало, и вообще расколошматить мерзкую, в стиле несчастной Марии – Антуаннеты, спальню. Толстомордых херувимов на камине, картины с пастушками в витиеватых рамах, кривоногие шелковые стулья. Но начать колошматить – означало бы назвать вещи своими именами. Это было бы все равно что сказать вслух : ты, Марина, – последняя блядь, Павлик–купец, тебя покупает, а спать

ты хочешь со мной. Но тогда нужно было бы найти нарицательное имя и для самого Глеба. А этого он очень боялся.

До ее ухода к Павлику, Марина несколько месяцев жила с Глебом. Она была известной девушкой с обложек. Одной из тех бледно-зеленых моделей, которых ввели в моду недавно. Щербинка в зубах, рассеянный, звездный взгляд, бесконечные, жирафьи ноги и узкие бедра тайского трансвестита. Правда, было в ней что-то ошеломляющее, когда она была при параде. Казалось, она принадлежит к другому, инопланетному миру. Любуясь ею, он часто говорил себе, что это красота с планеты, на которой еще нет разумной жизни. Он многое узнал о Марине за это время. У нее были накладные ногти и волосы, нижние дорогие виниры. А она утверждала что все зубы у нее свои. Вообще, врала часто, без надобности. Когда она говорила: Я знала голод, Глеб подчеркивал: Добровольный. Она хищно любила тратить деньги. В бутылках глаза ее стекленели и на губах играла захватническая улыбка. Будь она буддисткой, думал Глеб, после смерти она бы хотела реинкарнировать в манекена. Маринин индивидуальный рай – валяться на звериных шкурах среди роскошных вещей в витрине магазина Гермес. Ей не надоедало покупать, ее потребительская корзина была без дна. Поэтому она ушла от Глеба к Павлику – тощему, нервному и лысому. Он сразу купил ей Кайен, и лысина не считалась. Глеб понимал, что у Марины приоритеты, и ничего с этим не поделаешь. Пока Павлик способен кидать в корзину без дна роскошные вещи и пока Марина не обглодает его до самых костей, она будет стелить ему простыни, которые он любит. Что и говорить, ухаживала она за ним хорошо, так рачительный хозяин бережет прилежную, рабочую скотину.

До Марины Глеба никто не бросал. Он делал вид что ему все равно, а все таки сжег много фотографий. Через пару недель она по сиротски сидела на ступенях под его дверь. Правда сиротской была только поза, а все остальное было куплено несколько дней назад в Милане. Поставив портфель у стенки, он присел рядом. Не забыв приподнять полы шиншилловой шубы, она встала на колени и заплакала. От Павлика ее все таки тошнило, и она разрывалась между Глебом и магазином Гермес. Он понимал, что выменян на шубы и кольца от Вебстера. Она все равно клялась что любит его, и Глеб думал что да, наверное именно так любят на ее чудной планете. Встречи их проходили либо у Глеба, либо в квартире, которую Павлик оформлял ей в подарок. Ее покровитель был щедр, ему нужно было компенсировать лысину. Глеб тоже старался, но возможности были не равны. Павлику было сорок восемь и он успел побывать председателем райкома комсомола, откуда как волшебные бобы и начал расти его бизнес. А Глеб после университета всего пару лет работал на престижную компанию. Он был всего лишь перспективен, а Марина хотела жить сейчас и обладать красивыми вещами, а не вздыхать у миражей в витринах. Каждый раз она обещала, что скоро оставит своего щедрого покровителя, но Глебу эти разговоры претили, и в глубине души он уже этого боялся. Полностью принять ее назад он бы уже не смог.

Неприятный день сегодня, неприятный. Кроме Марины, Лидии и невыполненного плана продаж, через неделю должна приехать Кира. Хорошо что Марина съехала к Павлу, иначе был бы кромешный ад. Ей было бы невозможно объяснить. Да ему и самому не хочется возиться с Миловановой. Она дочь подруги матери и все такое, он знает ее с детства, но мало ли кого он знает с детства? Этот аргумент пролетел мимо Алины Евгеньевны, мать была непреклонна. Глеб просто обязан позаботиться о Кире. В прошлом году родители уже навязали ему какого-то провинциального кузена, которого до этого он видел всего один раз в жизни. Кузен оказался неприятным, долго искал работу в банковской сфере, мочился мимо унитаза и разбрасывал вещи по квартире. В конце концов Глеб не выдержал и попросил его съехать. Все это вылилось в неприятный разговор с матерью. И вот теперь Милованова, которая может надолго

застрячь у него. Все эти мечты о Большом... Только провинциалы способны на такое. Нужно будет терпеть, ждать пока развеются ее иллюзии, все это так неудобно. Киру он помнит плохо. Пансионат, каникулы с родителями в горах, Вера Петровна, подсовывающая ему Маркеса... И маленькая девочка, влюбленная казалось во все вокруг, что-то тощее с веселыми, ласковыми глазами мармозета. Рот до ушей, у нее тогда росли новые, в два ряда, зубы. Труссы, натянутые выше пупка, а под левым соском прыщиком, большое родимое пятно в форме крыльев. Ах, да! Фолклендские острова, шоколадные, плавающие на ее загорелой коже.

В десятом классе он забыл дома ключи и позвонил на работу матери. Она попросила его подъехать в хореографическое училище, где в показательном спектакле должна была танцевать Кира. Когда он наконец добрался туда на автобусе, все уже началось. Мамаши выступающих с шиканьем вдавили его в зал и закрыли двери. Ему пришлось опуститься на одно из крайних кресел в самом конце. Но чья-то тучная мамаша тут же сдвинула его вглубь еще на одно сиденье и заблокировала выход, он сразу же возненавидел ее. Мать и Вера Петровна сидели во втором ряду и добраться до них теперь было невозможно. С тоской и отвращением он посмотрел на сцену. Женщина с высокой прической закончила говорить и, придерживая артритное колено, спускалась по ступенькам в зал. Аккомпаниатор застучал по клавишам рояля, и теперь было неизвестно сколько нужно было ждать и мучиться. Глеб вздохнул от отчаяния, через полчаса к нему домой должна была прийти Лена из параллельного класса. У нее был второй размер груди и красивые лифчики Триумф, которые она потихоньку вытягивала из шкафа матери. С ней было очень интересно. На сцену вдруг выскочили девчонки и выстроились в два ряда. Все одинаковые, похожие на циркули – с тонкими длинными ногами. Их детские лица были накрашены как у взрослых женщин, и это было противно. Гладко зачесанные назад волосы, аккуратно собраны в пучки и залакированы до блеска. Толстуха в соседнем кресле вдохновенно пожирала глазами сцену. От волнения за свою девчонку она плотно прижимала мягкую руку к плечу Глеба. Он отодвинулся, и чтобы чем-то занять себя, достал из кармана жвачку. Когда стал ее разворачивать, соседка испепелила его взглядом и стало ясно, если он вздумает подняться, она устроит скандал. Глеб мстительно долго мял обертку, ситуация безвыходная, ему хотелось взвыть. Аккомпаниатор опять энергично забряцал на рояле. Высматривая свое чадо, мамаша сложила обе руки на груди, и Глеб из любопытства бросил взгляд на сцену. Ее девчонка должна быть из всех самой жирной. К его разочарованию жирных на сцене не было, а в центре, в самой первой шеренге, на авансцене, он увидел Киру. У всех девочек были одинаковые, напряженные лица, с высоко поднятыми на лоб бровями. Они стояли в ряд и одинаково махали руками и ногами. И только за Киру якорем цеплялся взгляд. В таком же как у всех белом корсете и короткой юбочке, точно также накрашенная как другие, с точно такой же прической, но совершенно особенная. На ее лице отражались радость и упоение каждым своим движением. От всей ее фигуры, головы, ножек струился поток блаженства, который как бы переливался через край сцены и затоплял зрителей. На ее мордочке не было того старательного, мертвого напряжения, что было на других лицах. И все у нее получалось очень ловко и бойко. Глеб, конечно же, ничего не понимал во всех этих синхронных маханиях, но почему-то был уверен, что она делает все лучше всех. Победно посмотрев на мамашу, явно не сводящую взгляда со своей не успевшей разжиреть дочери, он злорадно сказал ей вполголоса :

– Милованова лучше всех, правда?

– Эта будет звездой, – с улыбкой согласилась мамаша.

В этот момент Глеб испытал что-то вроде невольной гордости за Киру.

После обеденного затишья, офис гудит как развороченный улей. Глеб и Лидия изучают документы на поставку оборудования для одной небольшой компании. В отражении темного угла экрана Глеб время от времени видит лицо Фимы Клавчук, которая пришла по какому-

то делу и, споткнувшись об Андрюшу Петракова, надолго застряла в коробе отдела. Он показывает ей что-то на своем компьютере и Фима заливается смешком. Лидуся неодобрительно косится в их сторону.

– Скажи Фиме чтобы не болталась под ногами. Пусть идет к себе в маркетинг, – возмущенно шепчет она.

– Почему я? – также тихо протестует Глеб.

– Потому, что она торчит здесь из-за тебя.

– Она торчит с Андрюшей, пусть он ее и выгоняет.

Большинство сотрудников компании – молодые, бодрые ребята. По темпераменту Андрюша вписывается просто идеально. В нем так много энергии, что она бестолково брызжет в разные стороны и мешает ему заниматься чем-то созидательным. У него чистое, детское лицо, и сам он на первый взгляд свеж и невинен. Лидуся держит его за дурачка, но Глеб подозревает, что несмотря на внешнее благодушие, за румяными щеками скрывается огромное честолюбие. Лидия давно бы от него избавилась, но его дядя – управляющий делами в Таможенном комитете. Поэтому Петракова нужно терпеть.

Лидия наконец не выдерживает:

– Андрюша, ты позвонил в МинЗдрав?

– Нет еще.

– Позвони немедленно. Фима, у тебя что нет работы?

Фима презрительно улыбается, ополаскивает Глеба в своих влажных, огромных глазах, и с достоинством удаляется. Идти ей недалеко, за смежную перегородку. В отдел Пиара и Маркетинга, который состоит только из молодых, одиноких женщин. Глеб его называет эстрогеновым углом.

– Андрей, – зовет Лидия, как только Фима выходит из отдела. Петраков нехотя отрываясь от экрана. Она манит его пальцем. – Я еще вчера просила тебя позвонить в МинЗдрав.

– Вчера я занимался квотированием.

– Ну и что? Ты что, не справляешься со своей работой?

Вопрос был провокационным и Андрюша знал это. Любой другой запаниковал бы, но у Андрюши за спиной Таможенный комитет, который время от времени оказывает неоценимые услуги компании. Выгнать Лидия его не может, но в гневе она страшна, и он опасается ее взрывного характера.

– Ты что, игнорируешь мои задания?

– Нет, просто...

– Просто если мы ничего не продадим в этом квартале, наш отдел закроют. В Европе наймут человека, который будет решать вопросы по России наездами. Так им дешевле. За полгода мы продали на пятьдесят тысяч евро. Учитывая размеры рынка – это просто смешно! В ноль, они выходят с нами в ноль!

– Ну что ты, Лидия... У нас же два тендера на носу. За один квартал мы можем годовой объем плана наколошматить, – возражает Андрюша.

Ты наколошматишь, – усмехается про себя Глеб.

– Ты не понимаешь, мой друг. Мы сидим в полной жопе, – заводится Лидия и голос ее начинает звенеть. – В прошлом полугодии мы прохлопали три государственных тендера. Наши конкуренты...

– Они просто на откат больше дали, – возражает Андрюша. – Если бы мы тоже дали взятку в размере...

– Их предложения были лучше, – испуганно перебивает его Лидия.

О некоторых вещах в компании говорить запрещено. Все дают взятки чиновникам, но все делают вид что этого никогда не происходит. Осознав что он забылся, Андрюша виновато моргает.

– Я что, один во всем этом виноват? Что я могу? – оправдывается он.

– Позвонить в Минздрав! Когда тебя просят! – орет Лидия.

– Я не знаю, за что хвататься в первую очередь, – испуганно жалуется Андрюша. Он уже понял что в этот раз не пронесет.

– В первую очередь нужно хвататься не за Фиму! Пусть она обходит наш отдел как чумной! – продолжает кричать Лидия. Ей прекрасно известно что Фима слышит ее вопли за перегородкой. – Я запрещаю, чтобы она здесь ошивалась!

Глебу в почту сваливается короткое сообщение от Фимы, которая конечно же все слышит : У нее что, ПМС? Иду разбираться с вашей дурой.

Он моментально отстрачивает в ответ : Только если хочешь потерять работу. Сиди, не высывайся.

– Глеб! – кричит Лидия.

Он быстро свертывает почту, чтобы Лидия ничего не увидела. Если она сцепится с Фимой, последней придется уйти из компании. Лидия умеет выживать людей. С ней считается Вик-Вик и головной офис. Она здесь со дня открытия представительства. Глеб отталкивается ногами и доезжает на стуле до стола переговоров. Лидия отшвыривает офисный табурет и садится на него. Она босиком, Джимми Чу все-таки доконал ее. От гнева лицо ее покраснело и она все еще тяжело дышит.

– Концерн Туровцына на днях объявит тендер. Речь идет о миллионах. Взятку мы дать не сможем, тендер не государственный... – Лидия вдруг пугается своих слов и нервно осматривается, никто не слышал? Кроме них в отделе никого нет. Она продолжает, – Мальчики, это мега-проект! Оснащение трех горно-металлургических комбинатов – ГМК. Мы должны выиграть этот тендер и сделаем для этого все! Туровцын должен полюбить нас. Мы его очаруем, загнипотизируем, почешем ему пятки, будем целовать в пупочек... Или что там ему нравится... Мы сделаем все, чтобы он нас захотел. У нас нет другого выхода, иначе нас уволят.

– Они не распустят отдел, – встречает Глеб. – Год назад мы получили премию за перевыполнение плана. Он ткнул в стену, где висела похожая на надгробие доска с их именами. Премии давно истрачены, а доска все еще напоминает о славных днях.

– Ты же знаешь какая ситуация на рынке. Прошлые заслуги никто не вспомнит. Вик-Вик сказал что уволят весь отдел. На кону даже его кресло. Поэтому, он будет нас стегать как погонщик своих верблюдов.

– Я готов работать по двадцать часов в сутки! – страстно уверяет Андрюша. – Три ГМК! Это же какую премию получить можно! С чего начинать-то?

Его вдохновение можно понять. Если сократят весь отдел, дядя не поможет.

– Начни с кофе, мне капучино, – умеривает его пыл Лидия.

Петраков уходит в оскорбленных чувствах.

– Ты с ним поосторожнее, – предупреждает ее Глеб, – он честолюбив. Еще плюнет тебе в кружку.

– Я бы его уже давно выкинула, но ВикВик не даст мне его даже царапнуть. У него полезные родственники.

Она откидывается на спинку стула и вытягивает ноги на кресле Петракова.

– Ну что, едет твоя провинциальная Мария Тальони?

– Де-факто, будет через три дня.

– То-то ты грустишь.

Глеб обреченно закатывает глаза.

– Не понимаю я ваши восточные дела. Это гипертрофированное гостеприимство. Базар, вокзал, рахат-лукум, все сидят на корточках, плюются и могут приехать в гости на полгода.

– Ты никогда не поймешь, Лидуся. Столичное жлобство в тебе сидит с рождения. Яблоко будешь?

– Марина снабдила? Прада или Шанель? Давай. И надолго Кира у тебя застрянет?

– Пока не встанет на ноги.

– Надеюсь у нее крепкие ноги. В Большой театр, конечно?

– Только в Большой, и у тебя как раз кто-то там есть.

– Тетя – главный звукорежиссер.

– Лидуся, мы друзья?

Она с хрустом надкусывает яблоко.

– Глеб, театр не проходной двор! Я не буду пристраивать гастарбайтеров! Они как саранча, с каждого поезда по три солиста в день. Знаешь сколько в Москве вокзалов?

Глеб знает, Лидию не переубедить. Помогать провинциальным, напористым нахалам она ни за что не станет. Она уже заранее ненавидит Киру. Если бы Глеб мог точно так же отрезать матери! Но ему, давно уже пережившему возраст гормональных боев с родителями, было трудно ей отказать. Она бы никогда не поняла и не простила. Да и сам он первые пару месяцев, жил у родственников, пока не нашел съемное жилье. Ну где-то же ей нужно остановиться этой злополучной Миловановой?

Глава 7

Кира сидит на деревянном помосте, опустив ноги в прохладную воду. Рядом, подперев руками голову, на животе лежит Муся. Теплый ветер овеивает им лица, нежно треплет волосы. Вода в озере такая прозрачная, что видно зеленое дно, поросшее водорослями. По илистому дну ползают лягушки, а сиреневые рыбки юрко шныряют между пористыми камнями. Небо синее и отражается в воде, плакучие ивы спустили свои ветви низко, до самой озерной глади. Вокруг тихо, только слышны редкие всплески от прыгнувшей рыбы и нежное воркование древесного голубя. Кира болтает ногами, Муся тихонько что-то напевает. Ярко-синяя стрекоза зависает прямо у лица Киры, крылья ее дрожат, переливаются радугой, если бы Кира хотела, она бы могла поймать ее. Рука сама тянется, но стрекоза вдруг стремительно улетает. Неожиданно темнеет небо, все вокруг линяет в серое, сходят краски, черные тени ложатся на озеро. Воцаряется страшная, абсолютная тишина. Кира поднимает голову, глаза ее от ужаса расширяются, губы дрожат. Это не облака и не тучи, это огромные, висящие в небе люди. Они вглядываются вниз, что-то ищут, и не найдя, скользят по небу дальше, как водомерки по воде. Трое зависли в небе прямо над Кирой, они внимательно ее рассматривают. У них непроницаемые, суровые лица.

– Муся, чего они хотят? – испуганно спрашивает Кира.

Подруга поднимает голову, но глаза у нее плотно закрыты.

– Молчи, – шепчет она. – Делай вид что ты их не видишь.

Кире страшно и плохо от того, что она не может понять, кто они и что же им нужно. Она набирает воздух в легкие и кричит в небо :

– Что вам нужно?

Муся тихо всхлипывает и зажмуривает глаза еще сильнее. Люди в небе молчат, и только один из них медленно опускает руку, его огромный указательный палец оказывается прямо над головой у Киры.

– Тебя, тебя... Я же говорила... говорила, их нельзя видеть... – плача шепчет Муся.

Все вокруг исчезает, подруги уже нет рядом, а Кира оказывается на мосту, настолько высоко в небе, что под ним проплывают редкие клочья облаков. Тишина, Кира слышит только свое тяжелое дыхание. Ограда истончается и тает под ее руками. Пытаясь найти поручень, она хватается пустоту и начинает медленно падать в пропасть. Рот ее открыт, она громко кричит, но почему-то не слышно ни звука. Ей нужно перевернуться к приближающейся земле спиной, но у нее не получается, и она знает что разобьется насмерть. Тело выгибается в воздухе,

кулаки сжимаются и Кира снова кричит во все горло. От этого крика она просыпается, рывком садится на постели и задыхаясь, жадно хватая ртом воздух. Отшвыривает сбитое одеяло, шатаясь встает на колени и прислоняется лбом к бетонной, прохладной стене у кровати. Потом идет на кухню и жадно припикнув к крану, долго пьет воду.

На вокзале все как на вокзале. Бегают в поисках своей платформы, вагона, купе. Поезд набит людьми, вещами, ящиками. Даже в тамбуре все заставлено. Люди везут на продажу все, что можно продать, а продать в Москве можно все. Еще крепкую оранжевую хурму – специально заранее снятую с деревьев, чтобы не перезрела. Зимние дыни, сухофрукты, орехи, а так же многое, попадающее под звучное, почему-то отдающее романтикой прерий, слово «контрабанда». Кто-то везет траву, кто-то большие суммы незадекларированных денег. Впрочем и трава и деньги хорошо припрятаны опытными людьми, постоянно курсирующими по этому маршруту.

Кирино место на верхней полке, но и там уже лежат чужие тюки. Пришлось что-то выяснять, с кем-то скандалить. В конце концов место отвоевано. Несмотря на позднюю осень, в купе очень душно. Пахнет печеньем, яблоками и потом гастарбайтеров. Вера Петровна и Кира выходят в коридор, к окну. У матери безумные от тревоги глаза, в эту минуту ей трудно думать о большой сцене, европейских турне, аншлагах и поклонниках. Мимо проходит группа крепких скуластых парней в спортивных костюмах и нутриевых шапках. Один из них, коренастый, с оттопыренными ушами, смеривает Киру глазами и обжигает широкой улыбкой стоматологического золота. Мать растерянно оглядывает людей и находит их слишком загорелыми на сезонных работах, слишком битыми жизнью и от этого, как ей кажется, готовых мучить и бить других. Ее хрупкая дочь не вписывается в этот грубый, жизненный интерьер. Чувство вины захлестывает ее. *Нужно было еще занять денег и на самолет...* Она беспомощно топчется на месте, пытаясь войти в купе за вещами. Но там уже толпится группа провожающих. Легонько, за плечи Кира встряхивает мать.

– Мам, не волнуйся, все будет хорошо. Я позвоню, как только буду на месте. Мне между прочим не десять лет...

– Да в курсе я, в курсе, – раздраженно отвечает Вера Петровна, нервно осматриваясь.

– Ну не на фронт же я еду! В моем купе пожилой дядька, и вон... – Кира поднялась на цыпочки и снова заглянула в купе, – какой-то ...., – она окидывает взглядом уже лежащего на верхней полке рыжего молодчика с раскосыми светлыми глазами, и не находит что сказать дальше. – Ну чего ты боишься? Послушай меня, прекрати вертеть головой. Алле! Я здесь!

Ей нужно сказать матери то, что она хотела сказать уже давно, но никак не могла собраться с духом.

– Мама, это неудобно говорить но..... – замялась она. – В общем знаешь.... пусть товарищ Клименко – хороший специалист, теперь переезжает к нам. Правда, ну сколько же можно? У вас отношения...

– Кира... Миша... Михаил Николаевич мне друг, – смущается мать. – Да и вообще при чем здесь это? Дай как я посмотрю еще раз на этого, на полке... – она пытается отодвинуть дочь.

– Да оставь его в покое, нормальный парень. Видишь, у него газеты с собой, значит читать умеет... Послушай меня, на соседей можешь наплевать, ты для них все равно падшая женщина, – Кира усмехается. – Шура сказала Зине, что видела как Клименко днем крался в нашу квартиру. Так что твоя репутация и так накрылась медным тазом, – тут она с досадой прикусывает губу, этого не нужно было говорить. Все испорчено, но исправлять поздно, прозвенел звонок. Проводник просит всех провожающих покинуть вагон.

– Мам, съезжайтесь и все, ладно?

Она виновато теревит руку матери, потом порывисто обнимает ее за шею и они обе плачут.

Шестьдесят три часа, плюс каких-то десять минут и она будет в Москве. Страшно, страшно, страшно. Страшно быть с ним рядом, дышать одним воздухом...

Она долго машет Вере Петровне в окно, посылает воздушные поцелуи, пишет на пыльном стекле. Мать стоит на перроне и время от времени прикладывает кулак к уху, наказывая чтобы Кира обязательно звонила из Москвы. Кира тоже подносит к своему уху невидимую трубку. Я позвоню, обязательно позвоню. Глядя на посеревшее от переживаний лицо матери, Кира улыбается ей и тихо приказывает поезду: Ну давай же, драндулет трогайся, не видишь как она мучается? Поезд слушается, мягко толкается вперед, немного осаживает и больше уже не колеблется. Поступательно наращивая скорость, уверенно двигает в сторону Москвы. Сначала дорожным ветром сдувает лицо матери, потом пропадает перрон и Кира, горько всхлипывая, пытается силой воли остановить слезы.

Глава 8

Через три дня, поезд дергается как в предсмертной судороге и останавливается на Казанском вокзале. Распахнув глаза, через запотевшее окно Кира высматривает Глеба. За грязным стеклом прямо перед ней стоит худошавый мужчина. Ей кажется, что все вокруг замирает на минуту, и даже земля прекращает свое равнодушное вращение. Воцаряется пугающая тишина и только у Киры громко стучит сердце. В этот момент мужчина бросается вперед и обнимает только что сошедших с поезда женщину и ребенка. Вокруг все снова оживает и теперь движется даже быстрее, планете нужно наверстать упущенную минуту и в проходе сразу же сбивается толчея. Народ нахрапом прет из отделений купе, все боятся не успеть, и у всех испуганные, растерянные лица. Кира последней вытаскивает из вагона свой чемодан и сумку, оглядывается вокруг, но не находит никого, похожего на Глеба. Сыплет мокрый снег и холодный ветер гуляет на пустующей платформе. Она оттаскивает от поезда свои вещи и начинает ждать.

Через час она основательно замерзла, но уйти не решается, а вдруг они разминутся с Глебом. Позвонить ему она не может, ее телефон разрядился еще в Оренбурге, во время последнего разговора с матерью. В коридоре вагона все розетки были обесточены. Это можно было сделать за небольшую плату у проводника, но она постеснялась стучать ему ночью, утром забыла, а когда опомнилась перед Москвой, у него уже образовалась длинная очередь. Все хотели приехать в город с заряженными телефонами. Вот так жизнь наказывает беспечных людей, – сокрушается про себя Кира. Платформа уже пустая, поезд отогнали в депо, зажгли фонари, хотя до вечера еще далеко. Руки замерзли в перчатках и она сует их в карманы пуховика. Снег быстро вымачивает ей волосы. Где-то в чемодане есть шапка, но открывать его не хочется, слишком глубоко она похоронена. Предостережения матери были не напрасными, зимой в Москве действительно холодно.

Вокруг никого нет, длинная линия платформы уже полностью успела забелиться. Небо серое и тяжелое, с него падают и мечутся крупные, снежные осы. Воздух звенит от мороза и Кира так дрожит, что ей кажется, у нее гремят кости. Она уже не чувствует пальцев ног, топает ступней о другую, чтобы согреться и прыгает вокруг столба. Но потом вдруг так устает, что садится на чемодан и уже не двигается. На соседних платформах приходят и уходят поезда, народ собирается и уезжает, приезжает и расходится. А она все сидит. Сколько же можно

ждать? Лишь бы с Глебом ничего не случилось! Алина Евгеньевна предупредила его и два раза написала ему во сколько и на каком поезде приезжает Кира. Если бы только у нее работал телефон!

Сквозь множественные плоскости косо–летающего снега, Кира видит высокую, стройную девушку. Она медленно, гуляючи, приближается к Кире. Великолепная шуба хлопает полами по высоким сапогам. Пар из ее ноздрей вылетает быстрыми, сиреневыми струями, как у лошади. Что–то сильное и уверенное исходит от нее. Она останавливается возле Киры.

– Поезд пришел вовремя?

Голос у нее глубокий и властный.

– Да, полтора часа назад.

– Черт! Я в дороге застряла, знакомые видимо не стали ждать и уехали, – объясняет она.

Расстроенной она не выглядит.

– А ты что до сих пор здесь? Не встретили?

– Не могли бы вы мне одолжить телефон? – решается попросить Кира. – Буквально на минуту?

Диковинный, в стразах телефон переходит в ее руки. Номер Глеба не отвечает, и позвонив она скорбно отдает его обратно.

– Не переживай, здесь такое часто случается. Этот город меняет людей и не в лучшую сторону. Они здесь превращаются в ...как это повежливее назвать... дерьмо! Боишься? – весело спрашивает девушка.

– Нет.

– А ты бойся, тогда может быть уцелеешь. Я – Таисья Петровна, но ты можешь называть меня Тайкой. Как тебя зовут?

– Кира.

– Собирай Кира свои баулы и пойдем, придется тебя подвезти.

В машине Кира никак не может согреться и мелко дрожит. Волосы у нее совсем мокрые от снега.

– Ты похожа на избалованного терьерчика, которого в мороз выкинули на улицу, – говорит Тайка.

– Так плохо, да? – спрашивает Кира.

– Да, но терьерчики обаятельные. Они умеют нравиться незнакомым людям и не пропадут.

Кира благодарно смотрит на Тайку. Ее не только спасли, ее еще находят обаятельной. Тайка бросает ей маленькое полотенце, чтобы она хотя бы немного высушила лицо и волосы.

– Слушай, раз твой козел не берет трубку, давай сначала пообедаем где–нибудь. Согласна?

– Спасибо, но мне как–то неудобно и вообще... – начинает Кира. Ей неприятно, что Глеба называют козлом, когда сама Тайка опоздала к поезду.

– Ой, не нуди, едем! Неудобно на вокзале под снегом стоять. Как тебя еще менты не загребли? А потом, я не занята до вечера, почему бы не пообедать с хорошим человеком?

Кира благодарно вздыхает, надо же как ей повезло с Тайкой! Что бы она без нее делала? Тайка нажимает на панель и бешеная, роковая музыка заполняет салон, разговаривать совершенно невозможно. Впрочем, у Киры не остается сил, чтобы разговаривать.

Кожаные сиденья быстро отогревают Кире зад и спину. Чудесная машина, просто чудесная, и удивительно как ловко Тайка ведет ее. Искусно маневрирует на полной скорости, агрессивно сигналил мешающим ей и время от времени вскрикивает : Куда?! Спиди Гонзалес! Глаза

ее грозно поблескивают. Теперь Кира ее хорошо рассмотрела, Тайка не красавица, и это жалко, потому что фигура у нее совершенно великолепная. Перед тем как элегантно плюхнуться за руль, она скинула шубу в багажник и осталась в водолазке и леггинсах цвета слоновой кости. Стройная, но не вялой худобой, во всем теле ее чувствуются энергия и сила. Эта сила видна и в удивительном лице. Всего слишком много, через меру. Тяжелый властный подбородок и огромный рот портят ее, зубы чудесные, но тоже слишком крупные и от этого лицо выглядит плотоядным. Глаза красивые, но переливаются зеленым, бутылочным стеклом.

– Линзы! – заметив ее взгляд, кричит Тайка сквозь громкую, ударную музыку.

У входа в красивое здание с колоннами они выходят из машины, Тайка небрежно бросает ключи швейцару. Кира начинает топтаться на месте, но Тайка как и на вокзале не дает ей опомниться.

– А ну пойдём, – приказывает она.

Роскошь ресторана пугает Киру, внутри он весь в лепном орнаменте и позолоте. У стен книжные шкафы темного дерева, полки которых забиты книгами в кожаных переплетках. Высоченные потолки и стрельчатые окна подавляют своим великолепием. Тайка быстро стащила с Киры пуховик и кинула на стойку гардеробщице. Стремительно развернулась, от чего длинное жемчужное ожерелье съехало ей на плечо, и громко стуча каблуками пошла вглубь ресторана по сверкающему паркету.

– Пойдем–пойдем... Здесь немного пафосно, ну да, похоже на библиотеку, но мышей здесь не водится. Да не пугайся ты так, все это дизайнерский муляж, и книги ненастоящие...

Когда они садятся, официант подает им меню. От цен у Киры кружится голова, до этого, тысяча евро в ее сумке казалась сказочным капиталом. Теперь же выясняется, что на них три раза можно пообедать в этой библиотеке. Тайка склоняется к Кире и подмигивает: Ты угощаешь! – Потом оборачивается к официанту и тараторит:

– Два глинтвейна погорячее сразу. Два супа из фенхеля с креветками – очень быстро, девочки замерзли. К нему багет с чесноком, потом гребешки на гриле, Джон Дори, сладкий картофель ломтиками, не плохо бы спаржу... и бутылку Боллинджера. Девочки должны выпить за знакомство.

Увидев круглые от ужаса глаза Киры, Тайка смеется.

– Расслабься, я пригласила, значит плачу.

Кира протестует, у нее есть деньги и вообще, это неудобно. Но Тайка отнимает у нее меню и отдает официанту. После горячего глинтвейна, руки у Киры согреваются, щеки горят и все не кажется таким уж безнадежным. Тайка чудесная, вот бы Кире быть такой же уверенной и сильной. Она стесняясь рассказывает Тайке про Большой театр, все таки кто его знает, может ее туда и не возьмут.

– Хорошо танцуешь?

– Прилично, – нескромно заявляет Кира и сама себе удивляется. Наверное ее уже развезло, а ей ведь нужно еще найти Глеба. К шампанскому она уже не притрагивается.

– А шампанское? – спрашивает Тайка.

– Я уже ...

– Подумаешь, а ну давай, очень хочется поглядеть на пьяненькую балерину. Станцуй что–нибудь на столе. Что–то вроде: Жизнь праведницы после приезда в столичный вертеп.

Кира кивает.

– Одноактный балет по мотивам.

– Главное чтобы в конце никто не умер, – шутит Тайка, но лицо ее серьезно. – От несчастной любви, как у вас любят. Терпеть не могу это унылое говно.

– Осторожно! – с улыбкой предупреждает ее Кира.

- Мне нужно повеселей.
- Тогда в цирк, – советует Кира.
- Она знает что в таких случаях спорить бесполезно. Каждый остается при своем.
- Другое дело! Я девочка без претензий, покажите мне лучше медведей...
- На лисапедах, – подсказывает Кира.
- О! – радостно вскрикивает Тайка.

Официант мастерски отделяет рыбу от костей. Кира восхищенно наблюдает за процессом и вдруг замечает, что со спины к Тайке подкрадывается очень худой мужчина. Умоляющими жестами, прикладывая палец к губам, он просит Киру, чтобы она молчала. Наконец на цыпочках добирается до Тайки и ладонями закрывает ей глаза. Тайка вздрагивает, рот ее кривится, кулаки судорожно сжимают нож и вилку. Кире становится не по себе.

– Зигги..., – говорит Тайка вслепую.

Человек целует ее несколько раз в шею.

– Отлезь, – морщится она.

– А это? – спрашивает он направив указательный палец на Киру. Подхватив другой рукой бокал Тайки, отхлебывает шампанское.

– Кира, – представляет Кира сама себя и робко протягивает руку.

– Зигги.

Некоторое время он держит ее руку в своей и внимательно разглядывает. Пальцы у него горячие и немного подрагивают. Глаза хорошие и ласковые, и Кире почему-то кажется что он все про нее понимает.

– Мы много лет работаем вместе, в одной паршивой конторе, – объясняет Тайка и тут же поворачивается к Зигги. – Вот, подобрала на вокзале мерзлую тушку лебедя. Балерина из Ташкента.

Зигги наконец отпускает Киру руку. Он выглядит очень странно. Изящный, но довольно запущенный молодой человек. Этаким Болконский, который после долгого военного перехода небрит и не стиран, потому что его денщику оторвало обе руки, – думается Кире. Он чудовищно худ, черное пальто болтается на нем как на вешалке. Карман продран и оттуда хамски лезет выцветший подклад. Но тем не менее, во всей его фигуре чувствуется стиль и никакая запущенность не может скрыть этого.

– Друг мой, тебе нужно поесть, – предлагает ему Тайка.

– Отстань, Таисья.

– Ты скоро растаешь в воздухе...

Он неожиданно начинает смеяться. Смех у него мягкий, но чуточку безумный.

– Девочки, в какую смешную историю я сегодня попал!

Смех вдруг переходит в истерический. Кадык ходуном ходит под черным замурзанным шарфиком с монограммами. Он как будто задыхается в паузах между нервным, пугающим смехом. Но все равно он нравится Кире, ей почему-то его жалко. В то время как она чувствует себя неловко, Тайка явно злится. Глаза сощурены, пальцы барабанят по столу.

– Три машины! – восклицает Зигги, – Друг в друга, банг–банг–банг! Все вдребезги, куча гаишников, все орут! А у меня такая усталость...

– Бедный Зигги, он так много врет, – говорит с раздражением Тайка.

Он самодовольно закидывает руки за голову и ласково подмигивает Кире. Тайка с шумом выскакивает из-за стола.

– Друг мой, давай пройдемся. Кир, ты позвони пока своему этому...

Она протягивает телефон. Зигги послушно поднимается и отправляется за ней в вестибюль. Кире кажется или он на самом деле немного пошатывается?

Тайка притащила Зигги к стойке метрдотеля. Ее трясет от злости, глаза выжигают Зигги, а пальцы нервно перебирают жемчуг в длинном ожерелье.

– То, что ты идиот, я знаю давно. Но настолько! Какого черта, ты ей рассказываешь про ДТП?

Опершись о стену, Зигги прикуривает сигарету.

Из алькова гардеробной к ним тут же выскакивает девушка.

– Извините, но здесь нельзя курить.

Он не спеша затягивается и протягивает дымящуюся сигарету гардеробщице. Та оторопело берет ее и поджав губы оскорбленно удаляется.

– А что такого? – пожимает плечами Зигги. – Москва большой город. Здесь в день по сто аварий. Понаехали ... Вот, вроде тебя. У них трактор раз в год проезжал по деревне. На посевную, – поясняет он.

Тайка с трудом сдерживается. Зигги в одном из своих настроений и сейчас провоцирует ее на скандал. Если она вспылит, то все будет как всегда, а ей нужно поговорить с ним.

– Все аккуратно? Никто не пострадал?

У него скучающий, безразличный вид. Он молчит, Тайка терпеливо выжидает.

– Это было очень зрелищно, тебе бы понравилось. Я думал его машина со всей дури влетит в остановку, там человек двадцать стояло... Представь, жемчужные ворота, очередь к святому Петру и им всем есть о чем поговорить! – он заливается смехом. – Как в классическом анекдоте : Стою я на остановке, жду пятьдесят второй автобус, а вы какой ждали?...

– Кто-нибудь умер? – прерывает она его.

– Траектория изменилась, остановку он пролетел. А въебошился в киоск неподалеку.

– Умер? – вскрикивает Тайка.

– Ну что ты так кричишь? Тая, ты стала очень нервная. Да, умер...

От отчаяния она прикрывает глаза. Так запороть пустяковое задание! Теперь она утонет отчетах и объяснительных Центру. Плюс разбирательства с полицией и судами.

– Кто?

– Глеб Зимин... Ну и еще трое : женщина и два студента. Остальных увезли на скорой. Я был так занят с гаишниками, что не успел посчитать сколько.

Он громко зевает, в этот момент Тайка в волнении дергает свое ожерелье, прочная леска не выдерживает и рвется. Жемчужины разлетаются по всему фойе, Зигги заворуженно смотрит, как они долго скачут по шошенному паркету.

– Филиппинский? – спрашиваете он. – У Лили тоже был такой.

Официант с девушкой из гардеробной бросаются собирать жемчуг. Кивнув им, Тайка советует :

– Веником быстрее, там был целый метр.

Она вдруг хватает Зигги за воротник, его ветхое пальто начинает трещать по швам.

– Эй, послушай, оставь, – устало просит он. – У меня сегодня это уже было... около остановки. Порвешь пальто, мне его Лилия покупала.

– Зигги, ты осложняешь мне жизнь... Иногда я даже думаю, что нарочно. Я должна буду доложить, ты знаешь инструкции... И если это громкое уголовное дело... Четыре человека! – губы Тайки трясутся от злости, – Все, это край, второе предупреждение тебе гарантировано. Я же просила, просто задержать его, этого Глеба Зимина, а не устраивать массовую бойню на дороге.

– Докладывай, мне абсолютно наплевать. Ты же знаешь, – он с трудом отрывает от себя ее цепкие руки. – Поди к своей новой подружке, ты ей нужна. Не уппусти момент, установи рапорт с объектом, посочувствуй. Ейный хахаль сдох от кровоизлияния. Башкой выбил лобовое стекло и приземлился на тротуаре, звук был адский, я слышал как треснули его кишки. Поди,

ороси скатерть слезами, как тебя учили. У тебя на курсах был высший бал по психологии... А мне тут надо, по делу.

Тайка знает, если он хочет уединиться, остановить его невозможно.

– Хорошо, иди... Стой! Возьми у швейцара ключи от машины. Поставишь на ее чемодан жучок GPS.

Нахмутив брови и скрестив на груди руки, она со злобой наблюдает как неровной походкой он удаляется по коридору в мужской клозет.

Лицо у Киры серое, в глазах блестят слезы.

– Что-нибудь случилось?

– Глеб попал в аварию.

– Боже мой...

Тайка присаживается на стул и накрывает ладонью руку Киры.

– Долго разбирался с ГАИ, поэтому не смог меня встретить.

– Он что, жив?! – вскрикивает Тайка.

– Ему немного помяли машину. Мы договорились, что я поеду в офис и буду там ждать.

Потому что теперь у него важная встреча, а отменить он ее не может.

– Он жив?!

– Думаю что да, – шутит Кира. – Я только что говорила с ним по телефону.

Лицо Тайки проясняется, Зигги все наврал, какой скот! И хотя она злится на него, все таки приятно думать, что теперь не придется улаживать дело с ментами. Подумать только, что минуту назад она ощущала себя на краю пропасти. Как он легко провел ее! Ужасный говнюк и она так дешево купилась. Ничего, она ему устроит.

– Не расстраивайся, – говорит она Кире. – Он жив, это самое главное. У тебя есть адрес офиса? Я отвезу, без проблем.

Из туалета возвращается Зигги. Нос его порозовел и он все время шмыгает. Тайка швыряет ему в нос салфетку и приказывает : Вытрись, сволочь! Он послушно оттирает остатки белой пыли под носом.

– Какая я дура! – говорит она.

Зигги хитро улыбается, его худое лицо трескается морщинками.

Глава 9

Кира разглядывает роскошный холл офисной башни. Мраморные колонны, многочисленные кожаные кресла и диваны, прозрачные столики. Вот, значит где работает Глеб. Под любопытным взглядом девушки за стойкой, она вспоминает, что похожа на чучело. Немытая три дня голова, усталое лицо, пуховик цвета пожара в джунглях, единственное теплое, что они с матерью подобрали на рынке. Присмотревшись как одеваются девушки в Москве, Кира подозревает, что ее пуховик уже несколько лет не в тренде. А девушка за стойкой одета с офисным шиком. Белая блузка со стоячим воротником и кашемировый жилет в ромбики. Она вся такая чистенькая и опрятная, что Кире кажется, что сама она гораздо хуже этой красавицы. Девушка продолжает пялиться и это раздражает Киру. Может она до сих пор злится на Тайку? Перед тем как уехать, ее спасительница чуть не довела ее до слез. Сначала она требовала найти Глеба, потом соединить с ним, затем хотела чтобы он спустился за Кирой. К счастью он был на встрече и недоступен, потому что Тайка намеревалась сказать ему какой он на самом деле козел. Кира смогла уверить, что теперь с ней будет все в порядке, и та, заставив ее записать кучу своих телефонов и адрес, наконец уехала.

Кресло очень удобное, теплая кожа как-будто всасывает в себя засыпающую после шампанского Киру. Надо бы почитать, что-ли? Где-то в сумке у нее есть книга Дэна Брауна, которую она брала в дорогу. Она не успевает склониться над сумкой, как стеклянные двери напротив нее расходятся и громко топя мимо проходит крупная женщина в норковой шубе. Не доходя до лифта она оглядывается и возвращается к дивану, на котором сидит Кира.

– К Зимину? – спрашивает она.

– Ой, да!

Она соскакивает с кресла. Женщина бесцеремонно пожирает ее глазами и молчит. Кире ничего не остается, как тоже разглядывать незнакомку. У нее неинтересное, полное лицо, буравящие глазки и сложенные в брезгливую полуулыбку губы. Они что, все здесь такие?

– Балерина из Ташкента? – наконец произносит она.

– Да.

– Ждите.

Женщина разворачивается и направляется к одному из лифтов.

Я и так жду, – обиженно думает Кира.

В этот момент двери самого ближнего к диванам лифта разъезжаются. И оттуда стремительно выходит молодой человек. Кира сразу узнает Глеба, он совершенно не изменился. Высокий, плечистый, в чудесном синем костюме и розовой рубашке. У нее громко начинается стучать в висках.

– Лидия! – обращается он к буравящим глазкам в норковой шубе. – Позвони в Вену. У них есть несколько вопросов по спецификации.

– Хорошо, – отвечает Лидия, не двигаясь с места.

Двери пустого лифта закрываются. Глеб всматривается в холл и машет рукой Кире.

Лидия невозмутимо смотрит то на него, то на Киру. Глеб нажимает для нее кнопку и лифт снова открывается.

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, – тихо говорит он ей. – Тебе с Веной поговорить нужно, поторопись.

– Подождут, мне здесь очень интересно. Я люблю наблюдать жизнь, как она есть, на разных географических широтах.

Глеб радужно улыбается начальнице и кричит через холл, – Кира, это ты?

Он постарался вложить в голос как можно больше теплоты и доброжелательности, пусть Лидия лопнет от злости.

– За лицемерие пять, – сквозь зубы цедит она.

– Кажется, я! – робко отзывается Кира.

Широкими, уверенными шагами он быстро идет к ней. И без всяких церемоний целует в обе щеки. Отстраняется и оглядев, присвистывает.

– А ты изменилась! В последний раз, когда мы виделись, у тебя не было половины зубов!

В лифте Лидия неотрывно сканирует Киру. Заметив это, Глеб представляет себе сцену, достойную фильма ужасов. Мотор! Кира и Лидия заходят в лифт вдвоем. Двери закрываются, а когда открываются на пятом, нужном этаже из кабинки выплывает одна только Лидия с плотоядной улыбкой на лице. К нижней губе, липкой от блеска, прилипло маленькое перышко. Позади, в размытом фоне бэкграунда видно сбитую в угол окровавленную Киру куртку, а в воздухе медленно и красиво парят пуховые ошметки.

– Спиртным пахнет, – вдруг выводит его из кинематографических грез Лидия.

– Разве? – удивляется он.

– Да, это наверно я..., – смущается Кира. – Это мы в ресторане с одной знакомой грелись... Так замерзли на вокзале.

Торжественная улыбка расцветает на лице у Лидии.

– На вокзале?

Ох, как она довольна! Все так, как она и предполагала. Глебу вдруг становится весело, он поправляет галстук и попеременно смотрит то на Киру, то на Лидию. Ситуация совершенно комическая, ему смешно, что предсказания Лидии, к ее большому удовольствию, начинают сбываться. Кира приехала подшофе, с вокзала. Хороша. Она не подвела Лидку и оправдала все ее ожидания. Лидия еще совсем не зная Киры, уже ненавидела ее всеми фибрами. За то, что у Киры хороша собой, за то, что она смеет мечтать о Большом, за то, что она приехала в китайском пуховике и с дешевым чемоданом в город, где родилась Лидия. Вот эти московские дела Глеб терпеть не может. Он галантно пропускает Киру вперед и сразу же за ней выходит сам, оставляя позади обозленную начальницу.

В офисе Андрюша Петраков принес ей очень крепкий кофе из автомата. Кира кофе не пьет, но из вежливости медленно тянет тошнотворную, горькую жижу. Кажется, она произвела на Андрюшу сильное впечатление. Это льстит и немного ее удивляет. Выглядит она, скорее всего, чудовищно. В офисе она заметила много ухоженных девушек в дорогих костюмах. Они сидят за стеклянными перегородками, как редкие, разноцветные птички в Зоопарке. Отдел Глеба находится в таком же коробе. С двух сторон он отделен серыми пластиковыми перегородками, а с двух других стеклянными. Время от времени девушки порхают вдоль прозрачной стены. Они вышагивают на высоченных каблуках как по подиуму и даже через перегородку можно уловить нежный аромат их парфюма. Кира же одета по-дорожному. В свитер норвежского рыбака, который ей связала Алина Евгеньевна и туристские ботинки на рифленке. И хотя в туалете поезда она тщательно подкрасилась, вся эта красота осталась на полотенце в Тайкиной машине. Хорошо бы конечно привести себя в порядок, но она стесняется спросить где туалет. И потом, не поперет же она туда с чемоданом, ведь вся косметика у нее спрятана в его глубинах, а открывать его здесь и привлекать внимание придирчивой Лидии ей не хочется. Что же, в безвыходных ситуациях надо находить утешение в малом, даже в таком затрапезном виде выглядит она гораздо лучше чем буравящие глазки. Вон как Андрюша голубем ходит вокруг нее.

– Экстра–мини–петит,– шепчет Андрюша Глебу. – Я очень люблю петит.

– Вчера ты любил Фиму, а в ней метр семьдесят пять без шпилек. Всеядность – качество отчаявшегося человека, тебя будут презирать, –предупреждает его Глеб.

– Пусть! Ничего, если я за ней поухаживаю?

Его ручка падает и закатывается под стол. Андрюша лезет ее доставать. На уровне своего колена Глеб видит круглую, с мальчишеским затылком голову и ему почему–то хочется наступить на нее ботинком.

– Это было бы прекрасно, – тихо отвечает он. – Пригласи ее куда–нибудь. Москву покажи. Площадь, мавзолей, чучело вождя...

С одной стороны заявление Петракова почему–то неприятно разозлило Глеба. Даже удивительно, почему? С любой стороны, роман Киры с Петраковым был бы очень удобен. Глебу не нужно будет таскаться с ней по Москве, у него и своих дел хватает. Было бы хорошо так легко и быстро сбавить ее Андрюше. Он похоже запал. Ну да, она милая... Глеб заранее был настроен против Киры и ожидал от себя только раздражения. Еще вчера его бесили ее амбициозные устремления, провинциальная наглость и наивность, надежда на успех в самом главном, столичном театре. Сидела бы в Ташкенте, около матери. Но когда он увидел Киру внизу на рецепции, то не почувствовал ни досады ни возмущения. Она сразу расположила его к себе, была открытой и искренней. Ему показалось что как раз у нее все может и получиться. Вопреки

прогнозам Лидии, она совершенно не вульгарна, у нее чудесное, одухотворенное лицо, маленькая голова на высокой шее, тугие ушки, густая копна волос. Худошава, как и все балетные, но не костлява, а именно тонка станом. Недурна– недурна, – подумал он когда увидел ее. Но Кира не в его вкусе, он любит высоких, светловолосых женщин, с вытянутыми конечностями, как Марина. Его немного страшило, что Кира может кинуться ему на шею. Он помнил о ее детской влюбленности в него. Поэтому на всякий случай решил оградить себя от возможных неприятностей. По всем комнатам и углам были расставлены старые портреты Марины. С экзальтированными девушками вроде Киры, которые так преданно служат искусству, нужно быть осторожным. Впрочем, возможно он ошибается и Кира поумнев, выбросила эту дурь из головы. Скорее бы она устроилась и съехала. Петраков кажется совсем не против, они будут счастливы. Андрюша – коренной москвич, живет отдельно от родителей в унаследованной от бабки квартире.

С Глебом Кире хочется быть остроумной и блистать. Томно шурить глаза и пренебрежительно улыбаться. Но она не может. Робость не позволяет ей выдавить из себя даже пары слов. В рецензии на одну оперу, она читала что любовь, это прежде всего страх и изумление. Этот страх ей теперь был понятен. Как только его глаза задерживаются на ней, она отчаянно паникует. Господи, за что ей такое наказание?

– Этот обкуренный..., – рассказывает Глеб Лидии про аварию, косится на Киру и понижает голос. – ...Мудак, попер с примыкающей дороги на красный свет...

Пока он занят Лидией, Кира может позволить себе его рассматривать. Как он прекрасен! Она внимательно ловит каждое его слово. Если бы он ехал немного быстрее и не успел затормозить, все бы кончилось печально. Сзади в него врезалась другая машина. А в нее еще одна. Мало кто соблюдает дистанцию. Гаишники долго не появлялись. Серьезные мужики, которые сзади впечатались в его машину, хотели вытащить и поучить виновника аварии – тощего, апатичного яппи на ягуаре. Но тот заперся внутри, а они побоялись курочить дорогую машину. И этот обкуренный равнодушно смотрел сквозь стекла, зевал и потом даже умудрился задремать под шумную ругань бесновавшихся снаружи.

– Представляешь какой он был упоротый! – спрашивает Глеб Лидию.

– Сильно тебя помяли?

Глеб вздыхает.

– Завтра отгону на ремонт.

Да черт с ней, с машиной, – думает Кира. – Главное он жив. Она рассеяно слушает Андрюшу, который все это время от нее не отходит. Гул офиса, телефонные звонки, Андрюша – все это для Киры только фоновая музыка. Ведущая мелодия исходит только от Глеба. От него она передается ей на той правильной частоте волн, на которые Кира всегда только и была настроена. Энергичный голос Андрюши сливается со всеми остальными, посторонними звуками в монотонное гудение. В то же самое время она отчетливо улавливает тихое покашливание Глеба, стук его пальцев по клавиатуре, скрип офисного стула. Вот этот скрип гораздо важнее для нее, чем все то, о чем говорит Андрюша. Она выходит из этого оцепенения только когда Петраков оголяет плечо и показывает ей недавно сделанную татуировку – Кусаящего себя за хвост дракона.

– Татуировка – это как печать! – замечает Глеб не отрываясь от своего экрана, – Один раз в жизни я был идиотом.

Андрюша на мгновение обижается, но потом опять оживает, видимо он незлобив.

Глеб прислушивается как Петраков охмуряет Киру. Бодренький дурачок, ему и невдомек, что суетиться здесь бесполезно. Бастионы давно сданы добровольно, выброшен белый флаг, но не Андрюше. Все так, как Глеб и предполагал, Петраков бессилён, пусть хоть полностью вылезет из кожи. Глебу достаточно моргнуть и Кира прыгнет в горящий обруч. Коротко тренькнул айфон, СМС от Марины : Суслик, как ты? Павел остался в Париже еще на два дня, что-то с контрактом. Поужинаем сегодня? Глеб усмехается, просто отлично. Бросив на стол телефон, он не торопится отвечать, но Марина нетерпелива, тут же приходит другое сообщение : Дуешься? А я тебя люблю, приезжай суслик, мне грустно без тебя. Я не могу как... И без Павлика не может и без суслика..., – с раздражением думает он. Через минуту телефон опять оживает : Зовут на ужин подруги, а я хочу только с тобой. Марина так просто никогда не сдается, ее характер закалялся на Парижских кастингах, ее в дверь, она в окно. Глеб быстро танцует пальцами по телефону: Сходи развейся, я занят. Мне разбили машину. Приехала Кира.

Марина реагирует мгновенно : Возьмешь такси. Как она тебе?

Глеб строчит в ответ : Ого-го! И очень веселая.

Он откидывается на кресле. На лице мстительная, самодовольная улыбка. Но Марина немедленно идет ва-банк и выкидывает свои главные карты : Купила новое белье в фанси шопе. Реально пахнет резиной! Суслик, пожалеешь. – Глеб усмехается : Старую собаку нельзя научить новым трюкам. Признав поражение, он набивает ответ : Буду в девять.

Глава 10

Кира третий день одна в пустой квартире. Глеб привез ее в пятницу, уехал к Марине, и больше она его не видела. Муся не отвечает на телефонные звонки. Заболоцкий как абонент недоступен. Ну что же, вот Кира и в Москве. И где же барабаны? Где литавры и колокольчики? Где та ликующая, манящая жизнь в полные легкие, к которой она так стремилась? Никому она не нужна. Даже у Веры Петровны по телефону подозрительно счастливый голос. Кира, конечно, ей все расписала в восторженных тонах. Ты Вера Петровна не переживай. У Киры? У Киры все отлично! Разве может быть по другому? Глеб просто душка. Если бы Вера Петровна знала, как Кире одиноко. Хоть волком вой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.